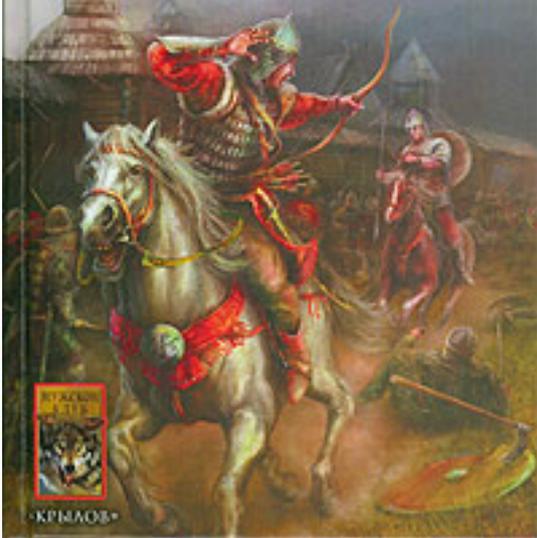

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЛЮБИМКА

Сергей ШВЕДОВ

СЫН Чернобога

«КРЫМОВ»

Сергей Шведов
Сын Чернобога
Серия «Рождение империи», книга 4

<http://www.litres.ru>
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163664
Сын Чернобога: Издательство «Крылов»; Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-9717-0568-0

Аннотация

Ему, зачатому в мистическую ночь Белтайн, волхвы напророчили великую судьбу. Но далеко не всякому пророчеству суждено сбыться. Ибо даже вещее слово порой утопает в крови. Надо стать воистину великим, чтобы пройти с мечом в руке от моря Балтийского до моря Черного и прибить свой щит к воротам Царьграда. Только тогда умолкнут злые языки, только тогда слабые духом поверят, что сила богов еще не иссякла на Руси.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Шведов

Сын Чернобога

Часть первая

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

Глава 1

ГОСТИ ИЗ ХАЗАРИИ

Боярин Казимир не обрадовался приезду бека Карочей, хотя и встретил дорогого дядю с распростертыми объятиями на крыльце своего только что отстроенного терема. Уважаемый бек, которому, по расчетам Казимира, подвалило уже под семьдесят, легко взбежал на крыльцо, жестом приветствуя многочисленных чад и домочадцев боярина, высыпавших во двор, дабы поглазеть на неожиданных гостей.

Бек приехал не один. Кроме мечников, которых было не менее пятидесяти, его сопровождали два знатных хазара. В одном из них боярин Казимир хоть и с трудом, но опознал своего брата гана Кончака, которого видел последний раз в Итиле лет десять назад. За это время сын бека Карочей из пятнадцатилетнего задиристого отрока превратился в доброго молодца, статного и широкоплечего. Второго знатного хазара Казимир видел вроде бы вперые, хотя лицом своим гость ему кого-то напомнил.

Пока боярин морщил лоб, пытаясь выловить ускользающий образ из своей памяти, обремененной пятью с половиной десятками прожитых лет, Карочей представил хозяину своего спутника:

– Бек Богумил, сын бека Красимира.

Боярин Казимир растерянно моргнул ресницами, но, к счастью, вовремя спохватился и жестом пригласил хазар в дом. Стол уже был накрыт расторопными челядинами, которыми умело управляла дородная супруга хозяина боярыня Гранислава. Она же поднесла гостям заздравные чары. Бек Карочей выпил первым и рукавом вытер седые усы. Ган Кончак последовал примеру отца, подмигнув при этом юной челядинке, стывшей с открытым ртом за спиной хозяйки. Боярин Казимир цыкнул на холопок, дабы блюли себя перед гостями, и указал дяде место одесную от себя. Ган Кончак и бек Богумил сели напротив. Ни своих, ни чужих мечников Казимир к столу звать не стал, у хазар это не принято, а свои перетопчутся.

– Слышал я, что князь Дир захворал? – вопросительно глянул на сестричада Карочей.

– Так ведь беда у нас, уважаемый бек, – вздохнул Казимир. – Побили наших купцов ромей в Царьграде. А почто побили, за какие вины – не ведаю. Великий князь как узнал сию горестную весть, так почернел ликом. С той поры и занедужил.

Недуг великого князя Диры был не того свойства, чтобы распространяться о нем перед заезжими гостями, а потому боярин не стал пускаться в подробности. Карочей, надо полагать, и без того известно, что киевский князь в питии не воздержан.

– Не хворать великому князю надо, а мстить ромеям, – произнес бек Богумил и бросил холодный взгляд на хозяина.

Казимир от этого взгляда поежился, но промолчал. Конечно, сыну неведомого бека Красимира легко говорить, но для того чтобы отомстить ромеям за убийство киевских купцов, нужна сила, а где ж ее взять. Столица ромеев – это вам не древлянский городишко, чтобы в его ворота безнаказанно мечом стучать.

– А князь Аскольд что думает по этому поводу? – спросил ган Кончак, смахивая с черных как смоль усов капли вина.

Ган Кончак был рожден иудейкой, а потому и волосы имел смоляные, в отличие от своего соседа бека Богумила. Последний был рус и синеглаз, да и годами превосходил Кончака, во всяком случае, на четвертый десяток ему уже наверняка перевалило. Кого-то он напоминал Казимиру, но вот кого именно, боярин никак не мог припомнить.

– Твоя матушка, бек, случаем не из Киева? – осторожно полюбопытствовал Казимир.

– Угадал, боярин, – усмехнулся в рыжеватые усы хазар. – Боярыня Ярина была дочерью боярина Святополка. А отец мой из кубанских славян.

Казимира наконец осенило. Его даже пот прошиб от собственной догадки. Так вот, значит, кого привел в его дом коварный дядька Карочей! Неизвестно, как там в Итиле, но в Киеве многие догадывались, от кого родила сына блудливая дочь боярина Святополка. Да что там догадывались – знали наверняка! А уж Казимиру и вовсе не следовало бы забывать человека, погубившего его отца и старшего брата. И хотя тому минуло уже четверть века, а все же страх и горечь в душе остались. Будь он проклят, этот Воислав Рерик, коего занесло злым ветром на Киевщину на беду несчастного боярина Любомира. Махнул Черный Ворон крылами, и остался Казимир сиротой.

Быть может, и сорвались бы с губ боярина недобрые слова в сторону незваного гостя, но строгий взгляд бека Карочей разом охладил пыл Казимира. Дядьку Казимир уважал. Если бы не помощь одного из первых беков Хазарии, то юного сына покойного Любомира в два счета оттерли бы от киевского стола, так и сгинул бы он в неизвестности. А ныне, с помощью того же Карочей, Казимир – едва ли не первый ближник великого князя Дира. Да и какой может быть спрос с бека Богумила, который, надо полагать, ни разу не видел своего истинного отца и числит таковым кубанского боярина Красимира.

– Аскольд искал поддержки у князя Русалании Искара, – повернулся Казимир к гану Кончаку. – И, похоже, нашел понимание.

Боярин ждал от бека Карочей хулы в сторону Аскольда и особенно князя Искара, коего в Итиле терпеть не могли, но не дождался. Уважаемый бек почему-то промолчал при упоминании имени своего давнего врага.

– Расцвела ныне Русалания, – продолжал заливаться соловьем Казимир. – А Варуна того и гляди сравняется с Киевом и Итилем. Слышал я, что к Искару бегут не только из земель вятичей и радимичей, но и из Тмутаракани и иных азовских и кубанских земель. Русов ведь и в тех краях немало, не говоря уже о скифах и славянах.

И опять Карочей промолчал, словно слова боярина его нисколько не задели. А ведь бек был едва ли не самым ближним к каган-беку Жучину человеком.

– Как здоровье уважаемого Ицхака? – вежливо полюбопытствовал Казимир.

– Каган-бек еще нас с тобой переживет, сестричад, – усмехнулся Карочей.

О здоровье кагана Хануки Казимир справляться не стал. Он знал, что ближники каган-бека Ицхака Жучина на дух не переносили младшего сына покойного кагана Тургана, что ничуть не мешало уважаемому Хануке кататься как сыр в масле в своем Итиле. Каким бы могуществом ни обладал надменный сефард Жучин, а все же рода он был темного, на Руси и в Хазарии никому не известного, а Ханука – внук самого Битюса. Предков своих он мог пересчитать аж до десятого колена. Род Ашинов почитался не только тюрками, но и славянами, и даже уграми.

Или того же Аскольда взять – ну, варяг, ну, умен, а что толку? Разве ж можно его по родовитости поставить рядом с великим князем Диром, потомком самого Кия? Вот только наследников у Дира нет, что, конечно, не может не беспокоить киевскую старшину. А Аскольд и Зорица, на коих была надежда, родили только одного сына и целый ворох дочерей. Худого слова про княжича Герлава Казимир не сказал бы, но и доброго тоже. Все-таки

сын пришлого варяга. Вот и зыркали киевские бояре по сторонам в надежде отыскать более родовитого правителя. Иные уже косились в сторону сыновей Искара Урса. Как ни крути, а их мать, княгиня Ляна, – внучка сразу двух князей, киевского Яромира и новгородского Гостомысла.

А с чьей кровью смешалась эта благородная кровь?! Киеву только Шатуна не хватало на великом столе. Тогда от Велесовых волхвов житья не будет. Хорошо, кудесник Даджбога Коловрат это понимает и никогда не допустит, чтобы Черный бог урсов и радимичей стал первым в землях полян. Да и хазары, надо полагать, подсуетятся, ибо нет у них врага на славянских землях лютее Искара. Как заноза засел он в теле Хазарии и мутит воду не только на Дону, но и в Приазовье, где каган и его беки уже давно чувствуют себя хозяевами.

– Злую весть привез я великому князю Диру, – прервал затянувшееся молчание бек Карочей. – Воислав Рерик высадился в Ладоге.

Боярин Казимир аж подпрыгнул на лавке от такого известия. Пришла беда откуда не ждали! Не зря, выходит, седмицу назад прихлынула в Киев воронья стая, такая многочисленная, что небо среди бела дня потемнело. Кудесник Коловрат тогда сказал – не к добру это. Да бояре и сами это поняли, не глупцы чай. Но такой беды даже боярин Казимир не ждал. Ведь по всему выходило, что сгинул тот Черный Ворон за морем, ан нет – вернулся на беду всего славянского мира. А где он, там и война – примета всем давно известная.

– Сказывают, что великий князь Гостомысл перед самой смертью повелел ближним боярам и волхвам звать на новгородский стол сына своей дочери Умилы, ясна сокола Воислава, – продолжал спокойно Карочей. – Вот он и прилетел.

– Врут поди? – с надеждой посмотрел на дядю Казимир. – Князь Гостомысл своих варяжских внуков на дух не переносил.

– Докажи теперь, – хмыкнул ган Кончак. – Званным тот Рерик явился или незванным, но волхвы за него встанут горой.

– Скоро, сестричад, Варяжский Сокол воспарит над Киевом, – зловещим шепотом пообещал Карочей. – И тогда солоно придется и вам, и нам.

– И что ты предлагаешь, уважаемый бек? – с надеждой глянул на дядю Казимир.

– Союз Хазарии и Киева против ромеев и Воислава Рерика, – спокойно отозвался Карочей. – С тем я и приехал к князьям Диру и Аскольду. Ты уж, сестричад, позаботься, чтобы наша встреча состоялась как можно быстрее.

Дурные вести, привезенные беком Карочеем, разом выбили хмель из головы загулявшего было великого князя. Ладога – это вам не Царьград, глазом моргнуть не успеешь, как варяги начнут стучаться мечами в киевские ворота. Недаром же хазары так всполошились и прислали в стольный град полян не абы кого, а бека Карочей, одного из самых близких к каган-беку Ицхаку людей.

С Карочеем князь Дир был знаком вот уже более тридцати пяти лет, и начало этого знакомства тонуло в таком кровавом угаре, что вспоминать о нем было тошно, но и забыть, увы, не получалось. Слишком много в этом мире осталось людей, хорошо помнивших обстоятельства смерти старшего брата Дира, князя Драгутина, и кагана Тургана. И хотя вина Дира, оступившегося по младости лет, была не столь уж велика, но это не мешало иным злыдням бросать в сторону великого князя грязное словечко – «братоубийца».

Великий князь Дир принял хазарского посла сидя. Его соправитель, князь Аскольд, при этом стоял.

Понимай, как хочешь, но в любом случае киевские верховники оказали Карочеему уважение и даже предложили сесть на лавку. Бек приглашением воспользовался, а Аскольд так и продолжал стоять, раздражая своим независимым поведением великого князя. Дир не любил варяга и не скрывал этого от своих ближников, но крупных ссор между ними не было. В

судебные дела варяг не вмешивался, а Дир, в свою очередь, не лез в дела воинские. Он давно уже уяснил, что воевода из него никудышный, и без помощи Аскольда ему вряд ли удалось бы удержать за собой киевский стол. Все-таки варяг был ротарием, давшим клятву богу Световиду, и в этом качестве пользовался уважением не только буянов с Дона, но и многих приазовских и кубанских русов, хорошо помнящих о своих давних связях с любимым сыном бога Рода.

– О Рерике я уже слышал, – поморщился князь Дир в ответ на слова Карочей. – Но коли ильменские словене решили признать его своим князем, то что же нам прикажешь делать? Они в своем праве, мы – в своем.

– Тут не в завещании Гостомысла дело, – пожал плечами Карочей. – Ромеи и варяги сговорились меж собой, чтобы утеснить славян и хазар на их исконных землях. Убийство киевских купцов в Византии – первый шаг на этом пути.

Дир вздохнул и скосил глаза на Аскольда, который, как ни крути, тоже был варягом, но зять и соправитель великого киевского князя только кивал в ответ на слова хитроумного хазара.

– Если мы спустим ромеям убийство купцов, то с нами не будут считаться не только в Византии, но и в халифате, – спокойно сказал Аскольд, когда бек закончил свою речь.

И в Хазарии тоже, мог бы добавить к его словам князь Дир, но промолчал. Дело предстояло неслыханное. Никогда еще киевляне не ходили к стенам Царьграда с мечом, и поражение в этом походе могло обернуться полным крахом и для Диры, и для Аскольда. Не потому ли так хлопочет об этом деле бек Карочей? Хазары давно тянут руки к землям полян и в случае несчастья не постесняются накинуть хомут на выи своих недавних союзников.

– Князь Искар обещал мне поддержку в три тысячи мечников, – продолжал Аскольд. – Северцы построят двести ладей. Я уже договорился с князем Никлотом.

– Бек Богумил приведет две тысячи хазар с Кубани, – дополнил Карочей. – Думаю, они не будут лишними.

– Пять тысяч мечников мы наберем на своих землях, – твердо сказал Аскольд.

– Десять тысяч – маловато будет, – покачал головой Дир. – Это же Царьград! Стены – как скалы.

– Для победы десяти тысяч, конечно, мало, а для мести – в самый раз, – возразил Карочей.

– А что с Рериком делать будем? – нахмурился Дир.

– Рерику на ильменских землях еще обжиться надо, – криво усмехнулся Аскольд. – Далеко не все бояре примут его с распростертыми объятиями.

Дир не стал спорить. Судя по всему, Аскольд и Карочей рассчитывали в первую голову на боярина Вадимира, который был женат на дочери варяга. Конечно, Белый Волк Владимир далеко не подарок и для полян, и для хазар. Но в любом случае, если Волк Перуна и Сокол Световида попортят шкуры друг друга, киевлянам будет только польза. Князь надеялся на то, что и кудесник Даджбога Коловрат придерживается того же мнения.

Бек Карочей давно не был в Киеве и с некоторым удивлением отметил, что город сильно разросся за последние годы, а его торгу позавидовали бы многие города не только Руси, но и Хазарии. Похоже, киевские купцы даром времени не теряли и сумели-таки протоптать тропку в Византию в обход хазарских застав. Немудрено, что Полянские правители и бояре так болезненно восприняли откровенно враждебный жест ромеев. Убийство киевских купцов в Царьграде подрывало растущую мощь Киевского княжества, что для полян было чревато тяжкими последствиями. Надо прямо признать, что Царьграду, в отличие от Киева, с верховными правителями явно не повезло.

Карочей плохо знал Михаила, хотя и был наслышан о его вздорном нраве, зато он хорошо помнил патрикия Варду, дядю нынешнего императора, с которым имел дело еще во времена императора Феофила. Более жадного сукиного сына Карочеем видеть не доводилось. Это Варда приказал перебить киевских купцов и всех полян, находившихся в то время в Царьграде, обвинив их в заговоре против императора. Разумеется, сделал он это не бескорыстно. Хазарским купцам расположение второго человека в Византийской империи обошлось в немалую сумму. Зато они добились своего – поссорили ромеев с киевлянами.

Надо отдать должное Ицхаку Жучину. С возрастом он не утратил умения просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед. Придет время, и он с лихвой возместит убытки, понесенные Хазарией при заключении сделки с патрикием Вардой. К сожалению, Ицхак уже далеко не молод. И хотя на здоровье он пока не жалуется, но семьдесят лет – почтенный возраст, что там ни говори.

Карочей чувствовал это по себе. Длинные ноги, прежде носившие его по городам и весям не только Хазарии и Руси, но и Европы, теперь начинали болеть после небольшой прогулки по мощеным улицам Киева. Прискорбно. Жизнь утекала, как вода в песок, а он, увлеченный борьбой и интригами, стал замечать это только сейчас, когда до гробовой доски уже рукой подать.

Киевляне равнодушно косились на заезжего бека, раздетого в златотканую парчу. Ни одна шапка не слетела с головы, ни одна спина не переломилась в поклоне. А если иной киевский житель и уступал Карочеем дорогу, то только после зычных окриков хазар, сопровождавших бека в прогулке по городу. Впрочем, киевляне и к своим боярам относились без особого почтения, так с какой же стати они станут гнуть шею перед чужим человеком.

Карочей, слегка подустав от уличного ора, свернул к усадьбе Казимира, ворота которой были распахнуты настежь. Похоже, боярин решил избавиться от навоза, накопившегося за зиму в хозяйстве, и расторопные челядины сновали по двору с вилами в руках, распространяя вокруг себя вонь, от которой у бека разом испортился аппетит. Что ж, самое время удобрить" отдохнувшие за зиму поля, весна уже не за горами. Еще день-два, и снег начнет таять под лучами набирающего мощь светила. Бек Карочей приехал в Киев по зимнику из Саркела, а в обратный путь придется, пожалуй, идти водой.

Впрочем, с отъездом спешить пока не следовало. У бека был твердый наказ Ицхака Жучина выпихнуть киевлян к Царьграду в начале лета. И на то были важные причины.

– Готовь мечников, боярин, – сказал с усмешкой Карочей сестричаду, стоящему на крыльце.

– Сговорились, значит, – огорченно крякнул Казимир. – Вот ведь незадача.

Карочей подхватил боярина под руку и ввел в дом. Казимир дядьке не перечил, понимая, что разговор предстоит серьезный. Да и какие могут быть шутки накануне столь важных событий. Боярин крикнул было челядинкам, чтобы накрывали на стол, но Карочей лишь рукой махнул – не до того сейчас.

– У князя Аскольда гостей в последнее время не было? – негромко спросил бек у сестричада.

Казимира вопрос не удивил, и он с готовностью закивал:

– Был. Жуковатый такой. Вроде купец, а там кто их разберет, этих франков. От князя Дира я слышал, что чужак письмо привез от своего императора. Да он и сейчас в Киеве. Аскольд кого только не привечает. Тут тебе и франки, и варяги, и прочих неведомых племен люди. Я думаю, пусть живут. Вреда от них никакого.

Карочей в задумчивости присел на лавку. Франк наверняка был посланцем не столько императора, сколько папы римского. А в папы ныне выбился старый знакомец бека Карочеем монсеньор Николай. Человек умный и хитрый, любящий загребать жар чужими руками. Он-то и стоял за спиной Людовика Италийского, сына умершего императора Лотаря. Не было

тайной для Карочей и то, что Аскольд с детских лет был приобщен к христианству своим воспитателем отцом Доминго, тоже далеко не глупым человеком, ныне стоящим во главе монастыря в далекой Септимани.

– Ты пошли к этому франку холопа или мечника. Пусть передаст ему, что бек Карочей хочет повидаться с посланцем императора Людовика.

– Согласится ли? – с сомнением покачал головой Казимир.

– Согласится, – твердо сказал старый бек и подмигнул сестричаду хитрым глазом.

К удивлению боярина, таинственный франк с охотой отозвался на зов скифа и уже к вечеру ступил на порог терема. Карочей не стал таиться от хозяина и повел разговор с пришлым человеком в его присутствии. Казимир доверием дяди был польщен, хотя и ощутил некоторое беспокойство.

– Его святейшество шлет тебе добрые пожелания, благородный бек, и выражает сожаление, что граф Раймон Лиможский не сдержал данного слова.

Казимир ровным счетом ничего не понял из слов жуковатого чужака, хотя тот довольно чисто говорил на славянском языке. Но, в конце концов, эти слова предназначались не ему, а хазарскому беку, не раз бывавшему в стране франков и приобретшему там немало друзей.

– Прискорбно, – вздохнул Карочей. – И как зовут сеньору из рода Рюэргов?

– Ефанда, – негромко произнес франк. – Сейчас ей одиннадцать лет.

Видимо, гость был не простого звания, иначе бек не предложил бы ему сесть и не стал бы переводить на него дорогое греческое вино из запасов боярина Казимира. Справедливо-сти ради надо отметить, что франк со странным именем Джованни это вино только пригубил.

– Она дочь Раймона?

– Нет, Гарольда. Сам коннетабль был убит во время замятии в Париже, но его дочери и пасынку удалось спастись.

– Имя пасынка?

– Олегаст Анжерский, – ответил Джованни.

– Он сын графа Гонселина?

– Официально да, но родичи Гонселина отказались его признать таковым. Многие считают, что его отцом является боготур Драгутин. Скорее всего, так оно и есть. Это очень опасный молодой человек, бек Карочей. Тем более что зачат он был во время мистерии Белтайн и, по мнению суеверных людей, обладает магической силой. Наверняка волхвы постараются использовать его в своих интересах.

– Это который Драгутин? – насторожился боярин Казимир.

– Младший сын Торусы, князя радимичей, – подсказал ему Карочей.

Боярин Казимир очень хорошо знал и покойного князя Торусу, и его старшего сына князя Яромира, но вот о боготуре Драгутине он слышал в первый раз.

– Еще услышишь, – обнадежил сестричада Карочей. – Редкостный головорез.

– Кто бы мог подумать, – сокрушенно покачал головой Казимир. – Такие почтенные родители. Ведь его мать Дарица после смерти мужа стала кудесницей Макоши.

– Ты ничего не путаешь, боярин? – нахмурился Карочей.

– Как же я могу перепутать, – обиделся Казимир. – Если я сговорил свою дочь за сына князя Яромира, а княгиня Дарица сей союз благословила от имени богини Макоши.

Карочей только досадливо крикнул на слова простодушного сестричада. Княгиня Дарица хоть и незаконнорожденная, но все же дочь великого князя полян Яромира. Князю Диру она доводится сестрой. И кому как не беку Карочей знать, какую власть имеют кудесницы Макоши на славянских землях. Если эта бесспорно умная женщина встанет на сторону Воислава Рерика, то варяг получит в ее лице очень ценную союзницу. Чтоб он провалился, этот боготур Драгутин! Ведь обещал же Карочей положить меч на его могилу, а вот сдержать

обещание не удосужился. Но и Раймон Рюэрг хорош! Серебро взял, а дело не сделал. Вот и доверяй после этого благородным франкам.

– Так что же, отказать Вузлеву? – спросил Казимир, бросив растерянный взгляд на расстроенного дядьку.

– Какому еще Вузлеву? – удивился бек.

– Сыну Яромира.

– Жени их, – махнул рукой Карочей. – Княжич хорошей крови, какого рожна тебе еще надо? Свои люди нам в землях радимичей не помешают.

Казимир вздохнул с облегчением. Этот брак был выгоден во всех отношениях. Мало того что Вузлев – сын удельного князя, так он еще и братичад великой княгини Милицы, которая ныне, после смерти мужа, правит всей землей радимичей от имени малолетнего сына Богдана. А город Торусин, коим владеет князь Яромир, уже спорит за первенство со Славутичем, столицей радимицкой земли.

Франк Джованни, едва не спутавший все расчеты боярина Казимира, наконец-то покинул его терем, а вот бек Карочей продолжал сидеть в глубокой задумчивости. И чем же, скажите на милость, так его озадачил гость из дальних краев? Эка невидаль, мальчишка Олегаст. Да снесут ему голову в славянских землях, глазом моргнуть не успеет. И вся недолга.

Глава 2 РАДИМИЧИ

Берестянский князь Стоян, сын Горазда, принял дорогого гостя с распростертыми объятиями. Да и мудро было не принять, коли пожаловал к нему ган Кончак, сын самого бека Карочей, добрый малый и занимательный рассказчик. Стоян помнил Кончака еще мальчишкой, но и в ту пору рот у него не закрывался ни на минуту. Правда, пустозвоном молодой ган не был, говорил всегда умно и по делу. Все-таки правы те, кто утверждает, что от хорошего семени не бывает плохого племени. Ган Кончак был наглядным доказательством этой старой и многим известной истины.

Конечно, Стоян понимал, что заехал к нему Кончак не просто так, а по велению отца, но тем больше было оснований принять молодого гана с честью. Бек Карочей был старым надежным другом князя Горазда и сделал все от него зависящее, чтобы злобные завистники не спихнули Стояна с берестянского стола после смерти отца. А таких в радимицких землях было немало. Князь Горазд, преданно служивший и кагану Битюсу, и его внуку кагану Обадии, изрядно насолил многим. Ненависть, которую эти люди питали к Горазду, досталось по наследству его сыну, у которого хватило ума понять, что без поддержки хазар ему в Берестене не удержаться.

– Драгутина помню, – кивнул Стоян в ответ на вопрос гостя. – Мы ведь с ним почти ровесники. Ну разве что он на год-другой помоложе. Задиристый был боготур, а более и сказать о нем нечего.

– Это Драгутин пригвоздил к дереву твоего отца ударом сулицы, – сказал со вздохом Кончак и потянулся к кувшину с вином.

– Откуда ты знаешь? – нахмурился Стоян.

– От своего отца, конечно, – пожал плечами ган. – Бек Карочей поклялся убить младшего сына князя Торусы, дабы отомстить за смерть друга, но Драгутин вскоре исчез, уплыл за море.

– Почему же бек не сказал мне об этом сразу?

– Пожалел. Ты ведь хлипко сидел тогда на берестянском столе, князь Стоян, где уж тебе было тягаться с князем Торусой и его буйными сыновьями.

Нельзя сказать, что Стоян сразу и безоговорочно поверил Кончаку, которого в ту пору и на свете-то не было. Но, с другой стороны, зачем беку Карочей лгать и своему сыну, и сыну старого друга. В конце концов, он мог бы просто попросить Стояна об услуге. Убить боготура – дело, конечно, нелегкое, но вполне посильное.

– Убить можно, – кивнул головой Кончак. – Но ведь речь-то не об убийстве, а о праведной мести, князь Стоян. Отец и сам сдержал бы клятву, данную когда-то над могилой друга, но годы берут свое. Вот он и поручил мне вершить правосудие. Ведь князь Горазд пал невинным. Не замышлял он ничего ни против князя Богдана, соправителем которого был, ни против его сына. Но угодил в засаду, устроенную князем Торусой и его сыновьями, был убит и оклеветан. Тут ведь история давняя, князь Стоян. Торуса, тогда еще боготур, был среди тех, кто убил полвека тому назад отца твоей матери князя Твердислава. Делалось все это с ведома и по наущению волхвов, но и Торуса приложил руку к смерти берестянского князя. Ган Горазд перешел в род своей жены, чтобы отомстить за смерть тестя, и преуспел в этом. Многие из убийц Твердислава ушли в страну Вырай с печатью князя Горазда на челе. Думаю, эта печать закрыла им дорогу в страну света, ибо волхвами тогда руководила навь, а не правь. Вот я и подумал, Стоян, что ты тоже захочешь поучаствовать в деле, порученном мне отцом, дабы смыть комья грязи с чести своего рода.

О смерти деда Твердислава князь Стоян слышал много раз. Эти рассказы мало чем отличались от того, который он сейчас услышал из уст Кончака, что было лишним подтверждением искренности не только молодого гана, но и бека Карочей, которого берестянский князь заподозрил в намерении рассорить его с сыновьями покойного князя Торусы.

– И все? – пристально глянул в карие глаза гостя князь Стоян.

– Нет, не все, – Кончак залпом осушил серебряный кубок, наполненный до краев вином. – Твой отец был соправителем великого князя Богдана, твой дед состоял в кровном родстве с великим князем Всеволодом, так почему в Радимицком княжестве всем управляет князь Яромир из худого рода Торусы, а не князь Стоян, чьи предки правили радимичами сотни лет и кровью добыли для своих потомков этот изрядный кус земли?

– Ныне урсы-скифы уже сравнялись в правах с радимичами, и никто не захочет вспоминать прежние обиды, – махнул рукой Стоян.

– Так разве я против, – удивился Кончак. – Я ведь тоже скиф по отцу. Скажу более – мой отец доводился братаном покойному князю Владиславу, так что судьба юного князя Богдана небезразлична ни беку Карочей, ни мне.

Все сказанное Кончаком было правдой. Бек Карочей не был чужим для радимицкой земли, ибо его матерью была родная сестра великих радимицких князей Всеволода и Богдана. Другое дело, что в славянских землях сын принадлежит к роду отца, а не матери. Так заведено со стародавних времен, и никто не станет менять обычаи даже в угоду такому могущественному человеку, как бек Карочей.

– Если ты заподозрил моего отца в корысти, князь Стоян, то сделал это напрасно, – обиженно покачал головой Кончак. – Да и зачем первому беку Итиля радимицкий стол? Не о себе хлопочет Карочей, а о тебе, а заодно и о мире между радимичами и хазарами. Отец боится, что боготур Драгутин, верный пес варяга Рерика, втянет своего брата Яромира в затяжную войну с Итилем, а расплачиваться за их безумства придется вам.

О Воиславе Рерике князь Стоян был наслышан, как и все жители славянских земель. А Стояну довелось увидеть Рерика воочию, когда в составе радимицкой рати он принял участие в битве с хазарами у русаланской крепости Лука. Жаркое было дело. Стоян уцелел тогда чудом. Кагану Обадии, увы, повезло меньше. Он пал в той битве от руки все того же Рерика. Немудрено, что хазары так обеспокоены его появлением. Вот только в интересах ли князя Стояна ввязываться в этот спор, затеянный не им?

– Выбирать, конечно, тебе, князь, – развел руками ган Кончак. – Не в мои годы учить старших уму-разуму. Одно только могу сказать твердо, Стоян. Отсидеться ни тебе, ни другим радимицким старейшинам не удастся. Так им это и передай. Рано или поздно, но выбор сделать придется.

Князь Стоян знал это и без слов Кончака. Иное дело, что ган в силу молодости и легкомыслия еще не понимает, чем чреват подобный выбор. Он может привести к большой крови, а потому и тяжело князю Стояну сделать первый шаг, который поведет его по кровавой тропе либо к смерти, либо к славе и власти. Смерти князь не желал, от славы не отказался бы, не говоря уже о власти. Но зыбко все это, очень зыбко. Отец Горазд потянулся было к великокняжескому столу и даже присел на него бочком, но все закончилось бесславной гибелью и позором. А ведь и за князем Гораздом стояли сильные люди. Так почему же князю Стояну должно повезти больше?

– Ты ведь вдов, Стоян? – оторвал вдруг голову от кубка ган Кончак.

– Это ты к чему? – удивился князь.

– Я к тому, что и княгиня Милица тоже вдова.

– Ты предлагаешь мне жениться на сестре кровника? – насмешливо прищурился Стоян на легкомысленного гана.

– Я не сказал жениться, князь, я сказал посвататься. А потом – кровная месть на женщин не распространяется.

В молодые годы князь Стоян заглядывался на прекрасную Милицу, но ведь это было тридцать лет тому назад. С тех пор голова его почти поседела, да и дочь Торусы за минувшие годы отнюдь не похорошела. Честно говоря, без подсказки Кончака князю Стояну и в голову бы не пришло думать о новом браке. Ему вполне хватало холопок. Но с другой стороны – почему бы и нет. Такое сватовство не уронит его чести, зато даст повод наведаться в Славутич, порасспросить стариков, участвовавших в трагических событиях двадцатипятилетней давности, дабы лично убедиться в правоте бека Карочей. Уклоняться от выполнения сыновнего долга князь Стоян не собирался, но прежде чем поднять руку на боготура Драгутина, он должен быть уверен в его несомненной виновности.

Драгутин не был в родных местах четверть века и, казалось, не очень рвался домой, но стоило ему только ступить на радимицкую землю, как сердце защемило от тоски. Последние версты до Славутича он проделал едва ли не галопом. Старый боготур Осташ только головой качал, на него глядя. Мечники откровенно посмеивались, а Олегаст пожимал плечами. Ему эта заснеженная земля была чужой.

Олегу исполнилось восемнадцать лет, он уже прошел все положенные обычаем испытания и принес клятву Световиду. Возможно, это было сомнительным поступком, ну да бог простит, а мечники, приведенные им из Нейстрии, – тем более. Став ротарием, он занял почетное место среди ближников великого князя Воислава Рерика и уже успел отличиться в походе, первым взобравшись на стены Ростова.

Город тот уступал размерами Парижу, но стены имел крепкие, а населяющие его люди из племени с непривычным для франкского уха прозванием «меря» оказали незванным гостям достойное сопротивление. Однако это не охладило пыл бывшего викинга Рерика. Захватив земли мери, он двинулся на Муром, и очень скоро верховья реки Волги были у него в руках. В Ладоге говорили, что в низовьях этой огромной реки находится столица Хазарии Итиль.

Почему так важно было помешать хазарским купцам в их торговых связях со свеями, Олег так и не понял, да и не собирался он ломать голову над подобными пустяками. Если князь Рерик говорит, что надо взять Ростов и Муром, значит, быть по сему. Под рукой у Олега была дружина, состоящая из сотни франков. Половину из них он взял с собой в далекое путешествие по землям славян. Кажется, оно теперь подходило к концу. Во всяком случае, боготур Осташ, опекавший всю дорогу юного франка, сказал, что до города Славутича рукой подать.

Олег оглянулся на своих мечников. Франки пострадали от славянских морозов, но держались они в седлах бодро. Что же касается викингов Драгутина, многие из которых были родом из этих мест, то они галдели как сороки в предчувствии возвращения к родным очагам. Более сотни радимичей четверть века назад уходили в далекий поход с Драгутином, сыном Торусы, а домой возвращались чуть более половины из них. Остальные так и остались навечно в чужих землях, куда рвались по легкомыслию, свойственному всем молодым.

Город Славутич встретил чужаков настороженно. Если бы не вмешательство боготура Осташа, которого здесь хорошо знали, то мечникам Драгутина и Олега пришлось бы, чего доброго, всю ночь мерзнуть у чужого порога.

Среди викингов Драгутина было немало уроженцев Славутича, которые, въехав за стены родного города, сразу бросились искать своих. Драгутин им в этом не препятствовал. Он и сам испытал сильное волнение, спешиваясь у крыльца княжьего терема.

Терем за минувшие годы почти не изменился, а по детинцу все так же сновали многочисленные челядины, понукаемые приказными и тивунами.

Один из них, толстый и важный, одетый в баранью шубу и соболью шапку зычно крикнул мечникам, стывшим на морозе:

– Вы почто ворота перед чужаками открыли, собачьи дети?

– Тихо, Хома, – цыкнул на него с седла Осташ. – Своих не признал! Вели холопам принять коней и доложи княгине Милице, что брат приехал.

Дородный тивун тут же увял и рассыпался в извинениях. Старого боготура он явно побаивался, а потому со всех ног бросился выполнять его указания, на ходу покрикивая на челядь, застывшую в изумлении. Драгутин первым ступил на крыльцо, жалобно скрипнувшее под его червленым сапогом. Глухо звякнули бляхи колонтаря. Драгутин толкнул дверь и вошел в сени. Здесь было довольно темно, но викинг, вернувшийся из дальних странствий, быстро вспомнил нужную дорогу.

Княгиня Милица, одетая по-домашнему просто, спешила ему навстречу, не дойдя десятка шагов, она остановилась в растерянности. Драгутин узнал сестру с первого взгляда. Милица и в свои сорок шесть лет сумела сохранить былую красоту.

Какое-то время он всматривался в ее с детства знакомые черты, а потом глухо произнес:

– Не ждала?

– Драгутин! – ахнула по-бабьи княгиня и схватилась рукою за грудь. – Живой!

Боготур и княгиня обнялись под сочувственные вздохи ближних мечников. Осташ сронил слезу, глядя на брата и сестру. Олег сдержался, хотя такое зрелище, конечно, могло взволновать даже самую черствую душу. Челядинки Милицы рыдали в голос.

Княгиня оторвала наконец залитое слезами лицо от плеча брата и произнесла дрогнувшими губами:

– Отец не дожил...

– Ничего, – глухо обронил Драгутин. – Мы еще встретимся с ним в стране света.

– Хома, – крикнула Милица. – Зови гостей. Накрывай столы.

Несмотря на поздний час, в княжьем тереме собрались едва ли не все знатные мужи, проживающие в радимицкой столице. Детинец, показавшийся Олегу не слишком большим, тем не менее вместил в себя и приезжих мечников, и местных старейшин. В браге и вине здесь тоже недостатка не было.

Княгиня Милица щедро приветила не только брата, но всех людей, прибывших с ним. Олега посадили в наверхье стола, неподалеку от великой княгини, рядом с ее пятнадцатилетним сыном княжичем Богданом. Оно, может, и не по чину, но радимицкие мужи отнеслись к капризу княгини с пониманием. Все-таки брат приехал, которого многие из сидящих за столом помнили совсем юнцом. Шутка сказать, четверть века где-то пропал младший сын князя Торусы и вот объявился в силе и славе. По словам знающих людей, которые уже успели расспросить мечников Драгутина, вернулся боготур с туго набитой мошной. Не зря, выходит, мотался по чужим землям.

– Одних серебряных монет три сундука, – с азартом перечислял боярин Путимир. – Золотой посуды без счета. Браслеты сестре подарил с драгоценными камнями, а они табуна коней стоят. Меч сестричаду вручил, с арабского эмира снятый. За такой меч целый город купить можно.

– Ну, это ты хватил, – остудил пыл захмелевшего боярина ган Кончак, которого тоже на радостях позвали к столу княгини Милицы вместе с берестянским князем Стояном.

Боярин Путимир обиделся. Сомневается еще хазарская морда! Мало они радимицкой крови попили. Может, хоть Черный Ворон найдет на них управу. Не зря же он в Новгород прилетел. Эти мысли отразились на лице боярина Путимира, но вслух он их высказывать не стал. Ган Кончак – невелика птица, но все же сын одного из первых беков Хазарии. Да и не гоже гостя обижать на глазах у великой княгини.

– Хочешь, верь, ган, хочешь, не верь, но мне Бутуй, мечник Драгутина, сказал, что они десять арабских городов разорили подчистую. А я того Бутуя с малых лет знаю, его родной дядька у меня по сию пору служит. С чего ему врать? Да ты посмотри на дружину боготура. Разодеты как князья или бояре. А бронь на них, а поножи, а мечи каролингские, это ж не на торгу взято!

Бояре, сидевшие за столом, дружным гулом поддержали Путимира, и гану Кончаку ничего другого не осталось, как руками развести. Хороша у боготура дружина, ничего не скажешь. Но все же город за меч не купишь, даже если его яхонтами усыпать.

– Ну, не город, так село, – не стал спорить с упрямым хазаром Путимир. – Оно ведь тоже на дороге не валяется.

Князь Стоян с интересом разглядывал молодца, сидевшего рядом с княжичем Богданом. Кончак не понял, чем так поразил князя этот варяг с улыбочивым лицом, рыжеватыми волосами и зелеными глазами, и вопросительно глянул на Стояна.

– Так они ликами схожи, – пояснил берестянский князь.

Несмотря на ночную пору, света в тереме было достаточно, да и сидели отроки недалеко. Кончак с Путимиром, переглянувшись, решили, что князь Стоян прав. Богдан статью и ликом пошел в Торусину породу, а приезжий отрок – не иначе как сын Драгутина.

Первым это мнение высказал боярин Путимир, он же подозвал крутившуюся у стола челядинку и приказал ей:

– Узнай имя витязя, что сидит рядом с княжичем Богданом. Скажи, что мы с князем Стояном и ганом Кончаком хотим выпить за его здоровье.

Девка оказалась на редкость расторопной и, потершись недолго грудями о спину зеленоглазого отрока, вернулась к нетерпеливому боярину.

– Его зовут Олегастом, – зашептала она. – Сказал еще, что можно называть просто Олегом. И еще графом. То ли прозвище такое, то ли имя. Вам он тоже здоровья пожелал, боярин.

– Что еще?

– Ущипнул меня, – хихикнула девка. – Сказал, чтоб пришла попозже.

– Изыди, – коротко бросил через плечо Путимир.

– Олегаст, значит, – задумчиво произнес Кончак. – Давайте выпьем, бояре. Мед у княгини Милицы уж больно хорош. Такой бы подошел и для свадебного пира.

– А ты никак жениться надумал, ган? – удивился Путимир.

– Не я хочу жениться, – понизил голос почти до шепота Кончак. – А князь Стоян.

Берестянский князь шепота хазарского гана не расслышал. Видимо, он размышлял о чем-то очень важном и смотрел при этом на княгиню Милицу, которая сегодня выглядела просто красавицей. Конечно, годы ее немалые, но иные женки и в зрелом возрасте способны увлечь мужей. А Милица вдовствует вот уже почти восемь лет.

Боярин Путимир, год назад потерявший жену, и сам бы не отказался от ласк княгини, а вот свататься к ней не стал бы. Смущали слухи, гуляющие по Славутичу. Поговаривали, что княгиня не только молодых мечников привлекает, но и смазливых холопов пускает в свою ложницу. Оно, конечно, вдовство обременительно для любой женщины, знатного она рода или простого, но, по мнению Путимира, блюсти себя должны все, иначе никакого порядка на земле не будет. Впрочем, своего мнения о княгине Милице боярин вслух высказывать не стал. Из ума еще не выжил, хвала Велесу. К тому же княгиня Милица – ведунья Макоши, как и ее мать Дарица. Она вполне способна навеки закрыть рот слишком разговорчивому человеку. Тому, увы, уже были примеры.

– Ты куда, князь? – спросил Путимир у Стояна, поднявшегося из-за стола.

– Захмелел что-то, – слегка покачнулся берестянский удельник. – Надо воздухом подышать.

– Пойдем, что ли, и мы? – покосился на боярина ган.

– А пожалуй, – кивнул Путимир. – Пир-то, похоже, до утра затянется.

Ночь выдалась морозной. Боярин Путимир с наслаждением вдохнул свежий воздух и тряхнул поредевшими кудрями. Шапку надо было бы захватить, так и простудиться недолго. Впрочем, задерживаться во дворе боярин не собирался, а вот гану Кончаку мороз, похоже, ни о чем. Его дело молодое, Ухватил в охапку пробегающую мимо челядинку и подбросил к небу. Девка взвизгнула от страха и удовольствия, чем привлекла внимание князя Стоян и боготура Драгутина, стоящих поодаль.

– Ган Кончак, сын бека Карочья, – представил хазара боготуру князь Стоян. – Ну а боярина Путимира ты, наверное, помнишь.

Драгутин улыбнулся, показав собеседникам хорошо сохранившиеся зубы, и кивнул.

– И боярина Путимира помню, и бека Карочья. Он даже обещал положить свой меч на мою могилу, да случая ему не представилось.

Драгутин засмеялся и, приветливо махнув рукой собеседникам, поднялся на крыльцо. Невесть от чего побледневший князь Стоян смотрел ему вслед, и в этих темных глазах, направленных в спину боготура, было столько ненависти, что боярин Путимир невольно содрогнулся.

– Что я тебе говорил... – начал было Кончак.

– Молчи, ган, – оборвал его Стоян. – Не здесь и не сейчас.

Княгиня Милица почивала до полудня. Осташ терпеливо ждал ее побуждения. Высокий ранг посвящения позволял ему войти в ложницу княгини без спросу, но старый боготур слишком хорошо знал своенравную дочь князя Торусы, чтобы ломиться к ней в неурочный час. Да и дело, которое он хотел с ней обсудить, не было срочным, зато оно требовало трезвой головы, дабы не ошибиться в толковании воли богов. Сам Осташ почти не ощущал последствия пира, затянувшегося почти до утра, но Милица была женщиной, и он решил дать ей потачку. Пусть княгиня придет в себя и сама позовет к себе боготура.

Едва дочь Торусы открыла глаза, как послала челядинку за гостем. Осташ поднялся на второй ярус княжьего терема и едва не столкнулся в дверях ложницы княгини со смазливym отроком, заблудившимся мышонком скользнувшим мимо боготура. Осташ уже занес ногу, чтобы дать срамнику пинка, но в последний момент передумал. То, что княгиня Милица сластолюбива, это еще полбеда, но ведь она и властолюбива без меры. Князь Владислав, ее покойный муж, не был слабым человеком, но и он не мог совладать с женой. Подмяла его под себя дочь Торусы. Она и при жизни мужа вершила все дела в Радимицком княжестве, а уж после его смерти развернулась во всю ширь своей властной натуры.

Разве что кудесница Дарица могла сдерживать порывы своей дочери, да и отца, князя Торусу, она побаивалась. Но Торуса уже год как ушел в страну света, кудесница Дарица прихворнула, и некому стало учить их дочь уму-разуму. А ведь эту женщину прочат на место первой ближницы богини Макоши, значит, ей придется решать судьбы многих людей в славянском мире. Хотя кудесник Велеса Велигаст видит в распутстве княгини Милицы знак свыше, ибо именно так богиня Макошь выказывает свое недовольство радимицким мужам, погрязшим в пьянстве и чревоугодии и почти забывшим своих богов в стремлении угодить хазарам. Наверное, он прав. Раз радимичи не способны породить доблестного мужа, готового сбросить иго, наложенное ближниками чужого бога, так быть им под пятой пусть и распутной, но отважной женки.

Княгиня Милица уже успела одеться и прибрать под платок волосы. К своему удивлению, Осташ не нашел на ее еще довольно свежем лице следов ночного пира. Дочери Торусы уже исполнилось сорок шесть лет, но выглядела она лет на десять моложе. Это многих удив-

ляло и настораживало, но умные люди считали, что вечная молодость княгини – дар ее богини, привечающей свою ближницу.

– Знаю уже, – сказала Милица, жестом приглашая боготура садиться на лавку.

Сама она осталась сидеть на прибранном ложе, с любопытством разглядывая браслеты, подаренные братом. Судя по всему, Драгутин сумел угодить сестре своим подарком.

– Он действительно богат?

– Куда богач, чем ты думаешь, – усмехнулся Осташ.

Милица засмеялась, отчего на щеках у нее появились две ямочки. В юности она была стройна и быстра в движениях, с возрастом стала дороднее и величавее. Все же роды для женщины даром не проходят, а у княгини, кроме сына Богдана, есть еще три дочери.

– Кудеснице Дарице приснился сон: Драгутин вернулся с отроком, и в том отроке она узрела черты бога.

– Ярилы? – насторожился Осташ.

– Да, – кивнула головой Милица.

– Когда это было?

– Шесть лет назад. Она рассказала про этот сон кудеснику Велигасту, и волхвы Велеса решили, что этот сон вещий. Однако шли годы, Драгутин все не появлялся, и многие начали сомневаться в пророчестве, даже сама кудесница. Но я верила и оказалась права. Его мать была из рода Меровеев?

– Да.

– У него знак величия на груди.

– Откуда ты знаешь?

– Ему подсыпали сон-траву в питье. Сегодня ночью я осмотрела его от пяток до макушки. У меня почти нет сомнений, но последнее слово должна сказать сама Макошь.

Осташ недовольно крякнул, Милица бросила на него удивленный взгляд. Похоже, она не понимала, какой опасности подвергает своего племянника. Стоит только объявить Олегаста сыном Велеса, как на него сразу же ополчатся ближники и Перуна, и Световида. В их числе Воислав Рерик...

– Но ведь у князя Рерика нет наследника, – нахмурилась Милица, выслушав боготура. – А сила хазарского дракона такова, что жизни одного человека не хватит, чтобы с нею совладать. Вот Белес и прислал своего сына, чтобы помочь ротариям Световида и Белым Волкам Перуна одолеть напасть, не в добрый час свалившуюся на наши земли. Здесь не в человеке дело, Осташ, а в божьем знаке.

– Я не знаю, ошибаются боги или нет, – нахмурился боготур. – Но людям свойственно заблуждаться в толковании их воли. Надо подождать, дать Олегасту возможность проявить себя, и только тогда говорить о его избранности.

– Согласна, – кивнула головой Милица. – Но ты все-таки отвезешь его в святилище Макоши и покажешь кудеснице Дарице. Он ведь прошел брачный обряд с богиней в далекой Франки. Пусть повторит его и на нашей земле.

– И кто будет избранницей Макоши в этом обряде? – нахмурился Осташ.

– Ею будет та, на которую укажет богиня, – надменно вскинула голову Милица. – Тебе не следует вмешиваться в наши дела, боготур.

– Ладно, – махнул рукой Осташ. – Кудеснице Дарице видней.

Олег без большой охоты отправился в город Торусин. Ему уже изрядно надоело мотаться по славянским землям, которым, казалось, конца края не будет. Его мечники, непривычные к холодам, роптали, поэтому пришлось их оставить в Славутиче. Пути-дороги в радимицкой земле ныне безопасны, и трех десятков викингов Драгутина будет достаточно,

чтобы отмахнуться от любого разбойничьего наскока. Так, во всяком случае, говорил Осташ, и Олегу оставалось только согласиться с ним.

Драгутин рвался повидать мать и брата. Его викинги вполне разделяли стремление боготура как можно быстрее добраться до Торусина, поскольку сами были родом из тех мест. Сначала Осташ вел их по руслу замерзшей реки, продуваемому ветрами. Олег ежился от холода, но терпел. К вечеру путники свернули в лес, заваленный снегом. Ни дороги, ни даже сколько-нибудь приметной тропы здесь не было, но Осташ уверенно торил путь, ориентируясь по приметам, известным только ему одному. Окажись Олег в этом лесу один, он непременно заблудился бы, но с таким проводником, как боготур Осташ, можно было пускаться хоть на край света.

Судя по всему, город Торуса на этом самом краю и стоял. Ехали они целый день, но человеческого жилья так и не встретили. Кругом уныло гудели под ветром заледенелые деревья да трещали неугомонные сороки. Пора было останавливаться на привал, ибо кони и всадники уже выбились из сил, но у Осташа на этот счет было свое мнение.

– Скоро овраг, – сказал он, обернувшись к Драгутину. – А от него до города уже рукой подать.

Олег уже знал, что Осташево «рукой подать» может растянуться на полдня пути, а потому тяжело вздохнул.

– Ничего, княжич, терпи, – подбодрил его мечник Будыль. – Теперь уже действительно недалеко. В этом овраге двадцать пять лет назад мы устроили засаду на хазарского прихвостня князя Горазда. Жаркое было дело.

– И что с тем князем стало? – насторожился Олег.

– Перебили мы и его ратников, и хазар, спешивших на помощь изменникам. Говорили, что во главе тех хазар был сын кагана Обадии. В этом овраге их всех и похоронили.

Олег вдруг резко осадил коня и вытянулся на стремянах.

Будыль посмотрел на него с удивлением и спросил:

– Ты чего, княжич?

– Не знаю, – процедил сквозь зубы Олегаст. – Но тем оврагом я не поеду.

– Брось, княжич, – засмеялся мечник Невзор. – Мертвые не кусаются.

Олег и сам не знал, что заставило его придержать коня. Вероятно, это было неясное чувство приближающейся опасности. От кого она исходила, он пока не понимал, но в ее существовании не сомневался.

– Что встали-то? – спросил Драгутин, обернувшись.

– Княжич зачудил, – сказал с усмешкой Будыль. – Кажется ему что-то.

– Не дури, – строго посоветовал сыну Драгутин. – В нашем роду трусы отродясь не водились.

– Не поеду я оврагом, – ощерился на него Олег. – Смерть в том овраге! И твоя, и моя.

Драгутин с изумлением уставился на юного ротария. Робким Олег не был, в этом боготуре уже не раз имел возможность убедиться, тогда какого рожна он стал праздновать труса в этом месте, пусть и глухом, но совершенно безопасном?

– Ты пойми, Олег, – попробовал переубедить отрока Невзор. – Те покойники уже давно сгнили, их души ушли в страну Вырай, а упыри в наших лесах сроду не водились. Да и не осмелится упырь напасть на боготуров.

– Не поеду, – мрачно проговорил Олег. – Вам что, всем жить надоело?

Драгутин аж побурел от гнева. Вот ведь наградила его Хирменгарда отпрыском. Он, оказывается, темноты боится. Няньку, что ли, ему нанять, чтобы слюни вытирала?! Не поедет он, видишь ли! А воля отцовская на что!

– погоди, – остановил разбушевавшегося боготура Осташ. – Надо разобраться. Пусть Невзор и Будыль проверят, не прячется ли кто в овраге.

Невзор в сердцах плюнул и зло покосился на Олега. Понять викингов можно было, от дома после двадцати пяти лет странствий их отделяло всего ничего, а тут изволь потакать причудам княжича, испугавшегося упырей. На их месте не только плюнешь, но и завоешь. Тем более что до оврага оставалось еще пройти пешком шагов четыреста, и это по глубокому снегу.

– Давайте я сам пойду, – предложил Олег.

– Сиди уже, – цыкнул на него Драгутин. – Провидец.

Викинги сдержанно засмеялись. Кто-то предложил зажечь факелы, дабы приободрить княжича, но Осташ запретил. Похоже, только он один среди всадников, сгрудившихся на лесной поляне, считал, что Олег задурил неспроста. Между тем в лесу совсем стемнело, и ночь, как назло, выдалась безлунной и морозной. Самое время было разводить костры и расседлывать лошадей. Однако боготуры медлили с приказом, и викингам оставалось лишь перешептываться и ждать.

Будыль с Невзором вынырнули из темноты столь внезапно, что Осташ невольно вздрогнул.

– Засада!

– Сколько их.

– Полсотни, наверное, наберется, – неуверенно отозвался Невзор. – Может, больше. Прячутся за деревьями вдоль оврага. Еще немного, и они нас стрелами испятнали бы.

– А княжич-то у нас вещей, – тихо засмеялся Будыль. – Кабы не он, быть нам убитыми у родного порога.

– Хазары? – спросил Осташ.

– Кто их разберет, – вздохнул Невзор. – Темно.

– Спешиться, – приказал Драгутин. – И чтоб ни единого звука.

Ган Кончак изрядно замерз в своей собольей шубе, рядом клацал зубами князь Стоян. Место для засады было выбрано с большим знанием дела, но кто же мог предположить, что к ночи ударит такой сильный мороз. Хазары и мечники глухо роптали, но от ругани пока воздерживались, дружно утаптывая сапогами рыхлый снег.

– А ты уверен, что они поедут именно этим оврагом? – в который уже раз спросил у князя ган Кончак.

– Уверен, – зло отозвался Стоян. – Другой дороги на город Торусин нет.

– Так, может, они заблудились или остановились на привал?

– Осташ в радимицких лесах не заблудится, – твердо сказал князь.

Кончаку ничего другого не оставалось, как ругаться да дуть на замерзающие пальцы. Дно оврага было перед ними как на ладони. Хорошему стрелку даже в полной темноте не составило бы труда поразить цель на таком расстоянии, но предусмотрительный Стоян приказал своим мечникам разложить по дну оврага кучи валежника, чтобы поджечь их по княжьему слову. Ган, неотрывно смотревший вниз, хоть и с трудом, но различал сторбившиеся фигурки людей. Наверное, мечникам там было теплее, чем их товарищам наверху, где гулял пронизывающий ледяной ветер.

– Едут, – выдохнул над ухом замерзшего Кончака всадник, вынырнувший из темноты.

– Заметили тебя? – спросил Стоян.

– Нет, я шагов пятьдесят пробежал по снегу, а уж потом сел на коня.

Кончак почувствовал, как кровь быстрее побежала по жилам, возвращая членам утраченную было подвижность.

– Много их?

– Раза в два поменьше, чем нас, – отозвался дозорный.

– Приготовить луки, – негромко распорядился Стоян. – Натянуть тетивы.

Хазарский ган вздохнул с облегчением. Не зря, выходит, ждали. Теперь бы только не оплошать со стрельбой и не упустить добычу, попавшую в расставленные силки. Кончака охватил охотничий азарт. На всякий случай он попробовал, как вынимается из ножен меч, хотя вряд ли викинги, попавшие в засаду, сумеют выбраться из оврага по крутому склону, засыпанному снегом.

– Факелы, – ткнул пальцем князь Стоян в сторону огней, замелькавших в отдалении.

Огни явно приближались. Не было никаких сомнений в том, что боготуры и их люди втягиваются в овраг, где их поджидала неминуемая смерть.

– Пора, – выдохнул Кончак.

– Рано, – не согласился с ним Стоян. – Пусть втянутся поглубже.

– Что-то мало их, – робко заметил дозорный. – Вроде больше было.

Стоян уже открыл было рот, чтобы крикнуть давно ожидаемое слово «зажигай», но тут же рухнул на снег как подкошенный. Потрясенный Кончак оторопело уставился на стрелу, торчащую из спины князя.

– Это они! – крикнул дозорный и тут же рухнул на снег.

Вопли раненых и победный рык нападающих разносились по всему лесу. Опомнившийся Кончак рванулся было к лошадям, но вовремя сообразил, что не найдет там ничего, кроме смерти. Боготуры и их мечники с тыла напали на людей, томившихся в засаде. Тех, кто уцелел под градом стрел, теперь добивали мечами и секирами.

Гану пришлось скатиться в овраг и затаиться там под грудой валежника. Он слышал враждебные голоса прямо над своей головой, но, к счастью, его не обнаружили, да, кажется, особо и не искали. Судя по всему, боготуры и викинги торопились убраться из опасного места, и вскоре их зычные голоса утонули в ночи.

Ган выбрался из своего убежища и огляделся. Ночь сгустилась до полной беспросветности, и только на выезде из оврага мелькали факелы. Это на рысях уходили те, кому в эту ночь не суждено было умереть. Ган сделал несколько шагов по рыхлому снегу и упал, споткнувшись о неподвижное тело. Впрочем, если судить по вскрику, человек был жив.

– Кто такой? – негромко спросил Кончак.

– Чеслав, мечник князя Стояна.

– Дорогу знаешь?

– Выведу из леса с закрытыми глазами, ган.

Кончак вздохнул с облегчением. Кажется, ему крупно повезло в эту ночь. Значит, появляется возможность отомстить тем, кто так жестоко обманул сегодня и далеко не глупого Гана, и несчастного князя Стояна, повторившего судьбу своего отца.

– Зажигай костер, – приказал Кончак мечнику. – Может, еще уцелел кто-нибудь.

– А если боготуры вернуться? – испугался Чеслав.

– Не вернуться, – глухо сказал ган. – Место здесь проклятое.

Глава 3 ЦАРЬГРАД

Русы появились у Константинополя столь внезапно, что епарх Мануил едва успел выставить на стены «бессмертных», имевшихся в его распоряжении. От красных ладей, скопившихся в море, просто рябило в глазах, а русы уже хлынули на берег, сметая со своего пути все живое. Слава Всевышнему, перетрусившие стражники все же успели поднять цепь и тем самым перекрыли грабителям путь в гавань, но предместья ромейской столицы уже полыхали.

Епарх Мануил с ужасом наблюдал за черными клубами дыма, окутавшими царственный город. Первая его мысль была о том, что империю предали, ибо русы наверняка знали о том, что император Михаил отправился в поход на арабов, уведя с собой армию и флот. Юг был головной болью византийских императоров вот уже многие сотни лет, но с севера ромейского удара не ждали. Ведь говорил же епарх магистру Барде, что не следует трогать киевских купцов, но надменный дядя императора лишь бросил на него высокомерный взгляд. И вот – дождались. В том, что к берегам Византии прорвались именно русы, у Мануила сомнений не было. Только они красят свои лады в ярко-красный цвет. Не мог он пока что уразуметь, кто возглавил этот поход.

В Киеве ныне правили Аскольд и Дир, если верить осведомителям из ромейских купцов. В Русалании сидел известный разбойник Искар Урс, прежде не раз разорявший города Византии и Хазарии. Но даже он не осмеливался появляться под стенами великого города, способного поглотить все население той же Русалании, включая грудных младенцев, и не поперхнуться.

Неужели эти безумцы рискнут штурмовать стены? Под рукой у епарха было двадцать тысяч бессмертных. Капля в море, если учесть протяженность стен, которые им придется оборонять. Видимо, следует призвать на стены горожан, выдав им оружие.

Епарх быстро спустился со стены, поразив расторопностью многочисленную свиту. И годы уже не те у почтенного Мануила, и телом он дороден, а вот нужда приспела, и побежал, словно мальчишка.

– Коня мне, – рявкнул епарх, задохнувшийся от быстрого бега.

Коня ему подвели в мгновение ока и даже помогли на него взгромоздиться. Мануил подобрал поводья и огляделся по сторонам. Жители Константинополя уже знали о надвигающейся грозе и гудели как пчелы в растревоженном улье. Да и мудро было не догадаться, глядя в почерневшее от пожаров небо. Два всадника, облаченных в тяжелые доспехи, скакали впереди разъяренного Мануила, зычными голосами распугивая прохожих. Заевавшихся они просто топтали конями. Проклятья горожан летели вслед епарху, но он не обращал внимания на крики возмущения и боли. Страх подступал к самому горлу Мануила, и он затравленно хрипел, пугая многочисленную свиту.

Магистр Варда встретил епарха, ворвавшегося в его покои, удивленным взглядом. Дядя императора возлежал на ложе, две полуголые рабыни колдовали над его прической. На лице магистра была написана скука, зато в его прищуренных глазах зажглись огоньки гнева.

Судя по всему, его рассердил столь ранний визит, но магистр Варда обуздал свой гнев и обратился к незваному гостю почти спокойно:

– В чем дело, Мануил? Почему ты врываешься в мои покои без разрешения?

– Русы жгут предместья Константинополя, великий, – склонился в поклоне Мануил. – Я спешил донести до тебя столь горестную весть.

– Какие еще русы? – приподнялся на локте Варда. – Ты в своем уме?

Епарх побурел от обиды, но сдержался. Магистр Варда отличался мстительным нравом и в гневе не щадил ни ближних, ни дальних. Словом, это был достойный дядя своего непутевого племянника-императора. Мануил невысоко ставил того и другого, но Михаилу многое можно было простить по младости лет, а магистру Варде уже перевалило за пятьдесят. В его немалые годы пора уже научиться шевелить мозгами.

– По меньшей мере десять тысяч русов высадились на побережье, великий. По всем приметам выходит, что они собираются штурмовать город.

– Ну, это не так много, – пренебрежительно махнул рукой магистр. – У нас достаточно «бессмертных», чтобы отразить натиск глупых варваров.

– Смею возразить тебе, великий. Двадцати тысяч «бессмертных» будет недостаточно. Русы могут обнаружить слабое место в нашей обороне и сосредоточить именно там свои силы. Мы не успеем подтянуть резервы. Я прошу тебя отправить гонца к императору. Только появление нашего флота охладит пыл варваров.

– Мне не хотелось бы выглядеть трусом в глазах императора, – поморщился Варда. – Тебе придется отбросить русов своими силами, епарх.

– Тогда разреши мне раздать оружие горожанам, великий.

– Ты в своем уме, епарх Мануил! – разъяренный Варда вскочил с ложа. – Нельзя доверять черни, тем более на виду у неприятеля. В Константинополе достаточно честолюбцев, способных обратить это оружие против нас.

Конечно, магистру Варде было чего бояться. В Константинополе не было человека более ненавидимого, чем дядя императора, и эту всеобщую ненависть Варда заслужил неслыханным коварством и жестокостью. Многие знатные патрикии лишились жизни вместе с имуществом только потому, что не сумели угодить этому человеку, волей случая вознесенного к вершинам власти. Он не пощадил евнуха Феоктиста, которого император Феофил назначил опекуном своего малолетнего сына. Да что там Феоктист. Варда отравил родного дядю, а родную сестру, мать малолетнего императора Михаила, упек в монастырь. Многим казалось, что император, вступивший в пору совершеннолетия, сумеет обуздать своего коварного дядю, но, увы, юный Михаил слишком любил вино, женщин и зрелища, чтобы разумно Управлять Византией, вверенной ему богом. Бессмысленные казни продолжались, и теперь, кажется, настал час расплаты. Божий гнев обрушился на Царственный град мечами краснолицых русов.

– Ты должен вывести своих «бессмертных» за стены города, епарх, и сбросить варваров в море.

– Это невозможно, великий, – в ужасе воскликнул Мануил. – Клянусь всеми святыми!

– Я все сказал, епарх, – надменно вскинул голову Варда. – Иди.

Епарх покинул императорский дворец на подрагивающих ногах. Его душили гнев и страх. Он не сомневался в том, что вылазка «бессмертных» за стены города обернется для Константинополя катастрофой, но и не выполнить приказ магистра Варды не мог. Последней надеждой Мануила оставался патриарх Фотий. Возможно, ему удастся вразумить неразумного патрикия, возмнившего себя непогрешимым.

Увы, надежды епарха не оправдались. Патриарх Фотий был напуган бесчинствами русов, но все-таки полагал, что бессмертные смогут нанести варварам значительный урон, который отобьет у них охоту лезть на стены. Мануил даже зубами закрипел, выслушав патриарха. Фотий всегда был разумным и осторожным человеком, но в данном случае разум сыграл с ним злую шутку, ибо, пытаясь сохранить хорошие отношения с дядей императора, он губил Константинополь.

– Это ведь язычники, – попробовал вразумить патриарха Мануил. – Они разорят и сожгут не только дворцы, но и храмы.

– Все в руках божьих, – воздел к небу холеные руки Фотий. – Я не верю, что варвары способны захватить самый большой град ойкумены. Русы слишком слабы для великих дел. Всевышний не допустит поругания наших святых.

Фотий принял монашеский сан уже в зрелом возрасте и за считанные годы прошел путь от простого монаха до патриарха. Разумеется, сделать это ему удалось не без помощи сильных мира сего, в частности того же Барды. Ждать, что он именно сейчас возвысит голос против всесильного временщика, было бы наивно.

– Об одном только прошу тебя, патриарх Фотий. Извести императора от своего имени о нападении русов и передай ему, что положение наше отчаянное. Я умоляю тебя, сделай это хотя бы во имя нашей прежней дружбы и убеди Варду раздать горожанам оружие, в противном случае наша участь будет решена очень скоро.

Лицо Фотия, заросшее густой черной бородой, дрогнуло, а из карих глаз плеснул страх.

– Ты действительно думаешь, что наше положение столь серьезно, Мануил?

– Наше положение отчаянное, Фотий. И я хочу, чтобы ты это знал.

– Хорошо, епарх. Я сделаю все, о чем ты просишь. Сегодня же я пошлю к императору гонцов. Думаю, они сумеют проскочить мимо дозоров русов.

Князь Аскольд с интересом наблюдал, как «бессмертные», вышедшие из ворот города, перестраиваются в фалангу. Было их не менее десяти тысяч. Какая досада, что под рукой у великого князя не более четырех тысяч человек. Все остальные разбросаны по предместьям, где богатая добыча сама плывет русам в руки. Золота и серебра уже взято столько, что ладей не хватит, чтобы все это увезти. Ромейской крови тоже пролито немало. Византия дорого заплатила за свое коварство. За смерть киевских купцов взята большая вира, но и это еще не конец. Надо на веки вечные отбить у ромеев охоту ссориться со славянами.

– Казимир, пошли гонцов к воеводам. Пусть они ведут людей под стены Царьграда.

Русы Листяны Урса, поднятые по тревоге, железной стеной встали на пути фаланги «бессмертных». Во фланг ромеям ударили конники бека Богумила, почти сплошь состоящие из кубанских славян, умеющих биться как в конном, так и в пешем строю. Натиск их был столь силен, что бессмертные дрогнули и начали пятиться к воротам. Аскольд боялся наскока ромейской конницы, но его опасения оказались напрасными. Никто не пришел на помощь византийской пехоте, «бессмертные» медленно отступали к воротам, теряя своих товарищей, но у Аскольда под рукой было слишком мало сил, чтобы довершить разгром ромеев еще одним решительным броском. Превосходство «бессмертных» в численности начинало сказываться. Натиск русов ослаб, что позволило ромеям отступить в город, не потеряв строя.

– Еще две тысячи мечников, и мы ворвались бы в Царьград на их плечах, – досадливо крикнул боярин Казимир.

– Кто ж знал, – вздохнул боярин Гвидон, один из самых близких к князю Аскольду людей.

– Ромеи сотворили глупость, – подвел черту под случившимся воевода Олемир. – Только зря людей погубили.

Аскольд был согласен с воеводой. Поведение ромеев было более чем странным. Шли они в битву словно из-под палки и при первом же ответном ударе покатались назад, как будто были заранее уверены в своем неизбежном поражении.

– Похоже, среди ромейских воевод нет единомышленника, – высказал свое мнение подошедший бек Богумил.

Меч хазара был красным от крови, и он передал его отроку для чистки.

– И что ты предлагаешь? – спросил его Аскольд.

– Я предлагаю взять и разграбить этот город.

Боярин Казимир бросил взгляд на высоченные каменные стены, окружающие столицу ромеев, и огорченно присвистнул. Прошибить такие стены тараном нечего и думать. Лезть на них – себе дороже. Добыча манила, но ведь в этом походе русы и так уже хапнули немало. Целую седмицу они грабили окрестности Константинополя практически безнаказанно, разрушили подчистую до полусотни городков и сел, а количество разоренных поместий местных патрикиев никто не удосужился посчитать. Пора бы и честь знать.

Аскольд был согласен с боярином Казимиром. Уж слишком велик был город. Так велик, что десять тысяч русов могли без труда заблудиться среди его домов, величественных дворцов и храмов. И драться им в городе придется не с «бессмертными», а с горожанами, которые, надо полагать, не захотят отдать свое добро за просто так.

– Горожанам в Царьграде запрещено носить оружие, гостям – тем более, – возразил бек Богумил.

Аскольд не верил хазарскому беку. Нет, неспроста Богумил настаивает на продолжении войны. Хазарам зачем-то нужно, чтобы киевляне как можно дольше задержались у стен Царьграда. Уж не затем ли, чтобы византийский флот и войско успели вернуться и наказать русов, слишком много возомнивших о себе? Или дело вовсе не в киевлянах, а в арабах, которых этот внезапный налет северных варваров спасает от византийского нашествия? Беки в последнее время сблизилась с эмирами, и хотя основу этой дружбы составляет корыстный торговый расчет, ухо следует держать остро и с теми и с другими. Князь Аскольд не настолько глуп, чтобы позволить кому-то загребать жар чужими руками. Нет, ссориться с хазарами Аскольду сейчас не следует, и дело здесь вовсе не в ромеях, а в варягах Воислава Рерика, который, похоже, чувствует себя полным хозяином Северной Руси.

Аскольд не сомневался в том, что рано или поздно Варяжский Сокол потянется к Киеву. Лучше остановить его на дальних подступах, чем потом слушать рев озверевших викингов под стенами града, который сын кудесника Гордона и княгини Синильды уже считал своим.

– Я бы попытался, – сказал Листьяна Урс. – Если мы не возьмем город, то хотя бы потребуем выкуп.

Сына князя Искара неожиданно поддержали почти все воеводы. Видимо, многим из них было обидно уходить от стен богатого города, не сделав даже попытки покорить его. Добыча манила к себе и знатных, и простых славян. За эту почти призрачную надежду они готовы были лить свою и чужую кровь.

– А если вернется император с войском и флотом? – попытался охладить пыл соратников боярин Казимир.

– Время у нас еще есть, – возразил бек Богумил. – Успеем уйти, причем с большой добычей.

Магистр Варда пришел в ярость, узнав о поражении «бессмертных» под стенами Константинополя. Весь его гнев обрушился на смиренно склоненную голову епарха Мануила, и если бы не присутствие патриарха Фотия, то магистр, скорее всего, не ограничился бы словесными оскорблениями и прибежал бы к рукоприкладству. Епарх Мануил не считал себя виновным в поражении. Да, он потерял почти четыре тысячи «бессмертных», но все-таки не позволил русам оседлать ворота и ворваться в город на плечах отступающих. А это непременно случилось бы, если бы епарх следовал указаниям самоуверенного магистра Варды.

– Русы вооружены лучше моих пехотинцев, – попробовал урезонить расходившегося Варду Мануил. – Они сражаются за добычу, а «бессмертным» уже полгода не выдавали жалования. Никто не хочет умирать даром, великий.

Варда бросил на епарха уничтожающий взгляд, но не рискнул опровергнуть его утверждение, обидное для верховной власти. Казну Византии опустошали не только неудачные войны, но и безумное мотовство императора и его временщиков, среди которых магистр

Варда занимал далеко не последнее место. Задержка жалования «бессмертным» была целиком на совести Варды, это знали и патриарх Фотий, и епарх Мануил, и сам магистр.

– Жалование придется уплатить, – негромко, но веско произнес Фотий. – Я уже послал гонцов к императору. Но войско и флот придут нам на помощь в лучшем случае дней через семь-восемь. А пока мы должны держаться. Думаю, нам придется вооружить горожан и выставить их на стены. Иного выхода нет.

– Если русов не могут отбить «бессмертные», то какой прок от простых ромеев, никогда не державших в руках оружие? – хмуро бросил слегка успокоившийся Варда.

Замечание было разумным, и ни у патриарха, ни епарха не нашлось слов, чтобы возразить магистру.

– Может, предложить им выкуп? – осторожно высказал свое мнение епарх Мануил.

– Сколько? – насторожился Варда.

– Миллион денариев.

Магистр от такой цифры сначала побурел, потом побледнел. Его вновь охватил приступ ярости, и он обрушил его на ни в чем не повинный столик из сандалового дерева, удивительно изящно сработанный. Столик разлетелся в щепы, но увы, это нисколько не облегчило положения осажденного города.

– Я не буду вести переговоры с русами, – зло просипел магистр.

– Их буду вести я, – твердо сказал Фотий. – Более того, патриархия готова внести четверть оговоренной суммы, еще четверть внесет казна, а остальное мы соберем с богатых горожан.

Епарх Мануил вздохнул с облегчением. Патриарх Фотий всегда отличался умом, но в нынешней нелегкой ситуации он проявил еще и твердость, прежде вроде ему не свойственную. Теперь все зависело от магистра Варды, который скрипел зубами от бессильного гнева, но молчал, а положение было очень серьезным, почти безнадежным. Как бы ни относился император Михаил к своему дяде, но разорения столицы он ему не простит. Да что там император, простые ромеи не простят. Такого унижения Византия в своей истории еще не переживала. Столица мира, основанная великим Константином, рухнет под ударами северных варваров, недостойных облизывать камни ее мостовых. Падения столицы нельзя допустить ни в коем случае, ибо вслед за ней падет и империя, наследница великого Рима. А это конец всему. Северные и южные варвары захватят цветущие города и превратят их в руины. Это будет конец света, апокалипсис, столь красочно описанный апостолом Иоанном. И хорошо, что хоть патриарх Фотий это понимает.

Трудные переговоры с вождями варваров патриарху Фотию пришлось взять на себя. Среди окружавших патриарха иноков нашелся один, разумевший славянскую речь. Звали его Мефодием. Это был немолодой рослый человек, выделяющийся среди прочих разве что русыми волосами и бородой.

– Ты из славян? – пристально посмотрел на инока Фотий.

– Да, ваше святейшество.

– Давно приобщился к истинной вере?

– Крещен с рождения.

Вот даже как. По виду инок был вполне разумен и, кажется, начитан в Священном Писании. Во всяком случае, на вопросы патриарха он отвечал бойко, ни разу не запнувшись.

– И много истинно верующих среди славян?

– Не много, но есть, – отозвался с поклоном Мефодий. – Ибо трудно уверовать в слово божье, если нет людей, способных донести его до твоих ушей.

Разговор с иноком Мефодием заставил Фотия призадуматься. До сих пор взоры православных святителей были обращены на юг, так не пришла ли пора обратить их на север, где

во тьме и невежестве гибнут души сотен тысяч людей? Северные варвары заявили о себе в полный голос. Нынешний набег славян на Византию далеко не первый и, увы, явно не последний. У Константинополя не хватит золота и серебра, чтобы откупиться от жадных славян. Остается только слово божье, которое Должно нести в далекие земли, чтобы смягчить погрязшие в лютоści сердца.

Русы на переговоры согласились. Патриарх вышел из города в сопровождении многочисленной свиты, дабы внушить варварам если не страх, то уважение к могуществу великой империи и ее святыням. Вожаки русов, облаченные в доспехи, сгрудились возле роскошного шатра византийской работы, захваченного, видимо, где-то в предместьях Константинополя. На ромеев они смотрели с интересом, но без душевного трепета, на который так рассчитывал патриарх Фотий.

Рослый человек с непокрытой русой головой сделал пару шагов навстречу патриарху, но этим и ограничился. Видимо, это и был главный предводитель варваров, киевский князь Аскольд. Об этом человеке Фотий знал только то, что родом он из варяжских земель и свое нынешнее высокое положение обрел в результате брака с сестрой великого киевского князя Дира. Словом, авантюрист и головорез, с какой стороны ни посмотри.

– Зачем русы пришли под стены Константинополя? – спросил патриарх, глядя прямо в серые глаза варяга.

Мефодий быстро перевел слова Фотия на славянский, но Аскольд начал отвечать только после того, как выслушал своего толмача. Этот смуглый молодой человек, стоявший по левую руку от варяга, показался патриарху знакомым. Пока Фотий мучительно припоминал, где он мог видеть это явно не славянское лицо, Аскольд заговорил. Претензии киевского князя были обоснованы, этого Фотий не мог отрицать. Обвинения, выдвинутые против киевских купцов, были надуманы и не имели ничего общего с истинным положением дел. Просто магистру Варде в очередной раз захотелось запустить руку в чужой карман, и он склонил императора к бесспорно постыдному деянию. Но не станешь же говорить это князю Аскольду.

– Купцов казнили по ошибке, – вздохнул Фотий. – Злые люди, оговорившие их, уже наказаны. Мы готовы возместить ущерб, понесенный в результате этого прискорбного события.

– Я настаиваю на договоре, патриарх, – твердо произнес Аскольд. – Византия должна нам дать твердые обязательства, что ничего подобного более не повторится. И заплатить виру.

– Мы готовы заключить договор, – кивнул головой Фотий, выслушав перевод инокa. – А в качестве возмещения ущерба мы предлагаем вам миллион денариев.

Вожди русов переглянулись. Между ними возник спор, сути которого "Фотий не понял. Патриарх бросил вопросительный взгляд на Мефодия, но инок только руками развел. Варвары спорили горячо, но не громко, и до ромеев, стоящих в отдалении, долетали лишь отдельные слова.

Наконец решение было принято, и Аскольд без обиняков озвучил его:

– Три миллиона денариев, патриарх. Уж слишком велика обида, которую нанес нам император.

У Фотия внутри все похолодело. Сумма была оглушительной. Ромеи за спиной патриарха возмущенно загалдели. Наглые требования варяга вывели из себя даже выдержанных служителей церкви, не говоря уже о мирянах, среди которых преобладали ромейские купцы.

– Ты требуешь слишком много, князь, – попробовал было урезонить русов Фотий. – Нам не собрать такой суммы.

– В таком случае ее соберем мы, – на чистом греческом языке произнес варвар с холодными синими глазами.

– Бек Богумил, – шепнул на ухо патриарху Мефодий. – Очень влиятельный человек в Хазарии.

– Откуда ты его знаешь?

– Виделись в Матархе.

Для Фотия присутствие хазар в войске русов явилось неприятным сюрпризом, зато это неожиданное открытие сразу прояснило ситуацию. Теперь стало ясно, от кого русы узнали о походе императора и почему они так удачно выбрали время для своего нападения. В Константинополе не было недостатка в хазарских соглядатаях, и сведения они получали из первых рук. Наверняка варвары знают, что император вернется в лучшем случае через неделю, потому и ведут себя столь вызывающе. Но три миллиона денариев – это слишком много. Таковую сумму Фотию вряд ли удастся собрать.

– Мы должны подумать и посоветоваться, – попробовал отсрочить неизбежное Фотий. – Я прошу на размышления три дня.

– Я даю тебе время до вечера, – холодно проговорил Аскольд. – Ночью мы будем на стенах.

Выслушав Фотия, магистр Варда пришел в ярость. Впрочем, этого можно было ожидать. Фотий и сам был возмущен непомерными требованиями русов. В конце концов, стены Константинополя крепки и высоки, да и защитников в городе вполне достаточно, чтобы дать нешуточный отпор варварам.

– Нам нужно продержаться всего неделю, – твердил как заклинание Варда. – Слышишь, Мануил, только неделю.

– «Бессмертные» требуют обещанного жалования, – со вздохом отозвался епарх.

– А разве им еще не заплатили? – удивленно спросил патриарх.

– Не могу же я платить и тем, и этим, – оскалился магистр. – Казна пуста.

– А оружие горожанам выдали?

– Пока нет, – вздохнул Мануил. – Да и желающих идти на стены среди них не слишком много. Горожане считают, что вносят достаточно налогов на содержание войска, и проклинают «бессмертных», которые не проявляют доблести.

Проклятия горожан сыпались не только на простых воинов, но и на куда более высоких особ, но епарх предпочел об этом умолчать. Магистр Варда и патриарх Фотий, надо полагать, не хуже Мануила знают о настроениях, царящих в осажденном городе.

– Три миллиона – это много, слышишь, епарх, слишком много!

– Разорение города обойдется нам гораздо дороже, – вздохнул Мануил.

– Палками гони горожан на стены, – приказал Варда. – Раздай оружие всем мужчинам, способным его держать.

– Я сделаю все, что в моих силах, великий, – склонился в поклоне епарх.

Увы, Мануилу не удалось сделать практически ничего. Слухи о невероятной жестокости варваров уже распространились по городу. Из уст в уста передавались такие подробности зверств, совершенных русами в предместьях города, что даже у далеко не робких людей кровь стыла в жилах. За оружие взялись немногие. В густонаселенной столице набрось всего лишь десять тысяч отважных и на все готовых людей, которых епарх тут же расставил по стенам, вперемешку с «бессмертными».

В резерве у Мануила осталось всего лишь три тысячи воинов, о чем он доложил магистру Варде, решившему лично подняться на стены, дабы своим примером вдохновить «бессмертных» на подвиг. Лучше бы он им заплатил. Мануил в который уже раз попытался завести разговор о жаловании, но понимания не встретил. Варда, окруженный рослыми гвардейцами и многочисленными прихлебателями, остался глух к мольбам епарха.

– Ну и где твои варвары, Мануил? – насмешливо спросил Варда, оборачиваясь к епарху.

На лице магистра, освещенном факелами, читалось откровенное презрение, и столь же презрительным был смех свиты, последовавший за его словами.

Смеялись они, впрочем, недолго. Тишину, царившую в округе, вдруг разорвал воинственный вопль, а штурмовая лестница русов едва не сшибла с ног растерявшегося Варду.

– Спасайте магистра! – панически заорал кто-то и тут же поперхнулся, пораженный стрелой.

Епарх Мануил так и не понял, как русам удалось так близко подобраться к городу, но они столь дружно полезли на стены, что перепуганные прихлебатели Варды едва успели скатиться вниз, сильно помяв при этом своего патрона, облаченного в золоченые доспехи. Гвардейцы магистра встретили русов грудь в грудь и даже сумели опрокинуть в ров часть лестниц, чем спасли Варду и самого епарха от крупных неприятностей, может быть, даже от смерти.

– Где твои резервы? – взвизгнул Варда. – Бросай их на стены!

– Пошел вон, – процедил прямо в лицо перепуганному магистру Мануил. – Теперь командовать буду я.

Русы выбрали самое слабое место в обороне города. Здесь стена уходила к морю и по этой причине была ниже остальных. Шум битвы доносился и из других мест, но епарх нисколько не сомневался в том, что это всего лишь отвлекающие маневры, а главный удар будет нанесен именно здесь. «Бессмертные» были захвачены врасплох, но пока держались. Со всех сторон к епарху бежали гонцы с просьбой о помощи, и вскоре от его резерва остались одни слезы. Епарх знал, что «бессмертным» до утра не продержаться и город падет с рассветом. Русы были уже на стенах и вот-вот должны были хлынуть на улицы Константинополя.

– Я приказал раздать оружие монахам, – услышал епарх голос патриарха за спиной.

– Бесполезно, – стиснул кулаки в бессильной ярости Мануил. – Даже если мы устоим сейчас, то повторным штурмом они нас обязательно сомнут. Это мой последний резерв.

Епарх обернулся и ткнул пальцем в жалкую кучку «бессмертных», стоящих чуть поодаль, на ступеньках роскошного дворца.

– И что ты предлагаешь? – потерянно спросил патриарх.

– Надо платить, Фотий, иного выхода я не вижу.

– А я ведь вспомнил, где видел толмача их князя Аскольда, – сказал вдруг патриарх. – Он был в свите епископа Сергия, приезжавшего к нам из Рима пять лет назад.

– Значит, без папы Николая в этом деле не обошлось, – процедил сквозь зубы Мануил. – Будь они все прокляты! И франки, и русы!

Бек Богумил взобрался на стену одним из первых. Ромеи дрались с отчаянием обреченных и едва не опрокинули его хазар, слишком рано уверивших в свое превосходство. К счастью, на помощь беку подоспели русы Листяны во главе с ним самим. Совместными усилиями им удалось закрепиться на стене и потеснить «бессмертных» влево и вправо. У ног бека Богумила раскинулся огромный город, а он никак не мог выбрать время, чтобы бросить на него взгляд.

К ромеям подошло подкрепление. Судя по всему, осажденные снимали «бессмертных» с дальних участков, где натиск русов был не столь велик либо его не было вовсе, и гнали сюда, где успех нападающих становился все более очевидным. Впрочем, и русов на стене становилось все больше и больше, и они стали медленно стекать по окровавленным ступеням вниз, где замер в ужасе беззащитный город.

Богумил после короткой стычки смахнул голову подвернувшемуся ромею и бросился на помощь Листяне, который отбивался сразу от троих «бессмертных».

– Спасибо, бек, – поблагодарил он Богумила. – При случае отплату той же монетой.

Листяна дышал тяжело, но в его глазах не было испуга. Этот напуск не был для него первым. Надо полагать, этому человеку не раз доводилось попадать в самые отчаянные переделки, но, увы, годы брали свое, и сорокапятилетнему мужчине не просто было угнаться за куда более молодым бекем. Впрочем, сил у Листяны было еще в достатке, и он тут же доказал это, перехватив ромейский меч, занесенный над головой Богумила.

– Долг платежом красен, – засмеялся бек и бросил наконец взгляд на царственный город, купающийся в лучах восходящего солнца.

Константинополь был столь велик, что у Богумила дух перехватило. Нет, не зря столицу Византии называли самым большим городом в ойкумене. Ни Киев, ни Итиль не шли с Царьградом ни в какое сравнение и уступали ему размерами в лучшем случае в десять раз.

– К воротам надо прорываться, – сказал Листяна. – Откроем ворота, и город наш.

Богумил в этом не был уверен. Если у каждого из этих каменных домов они потеряют по одному русу, то некому будет собирать с ромеев заслуженную виру. Но отдельные отряды русов уже проникли в город, и сражение закипало на его многочисленных улочках и площадях.

– По-моему, это просьба о перемирии, – предположил Листяна, вслушиваясь в звуки труб, перекрывающих шум битвы.

– Считаешь, что пришло время для переговоров? – с сомнением глянул вниз Богумил.

– Не хотелось бы предавать огню такой красивый город.

– Неужели жалко? – удивился бек.

– Боюсь задохнуться в дыму, – усмехнулся в длинные усы Листяна.

Патриарх Фотий сразу узнал в спустившихся со стены людях своих недавних знакомцев. Именно хазарский бек и воевода русов с бритой почти наголо головой громче других возражали против заключения мира с ромеями. Что ж, в храбрости этим людям не откажешь, как и в умении держать слово – обещали взобраться ночью на стены и взобрались ромеям на беду.

– Мы принимаем ваши условия, – сказал патриарх Фотий, а инок Мефодий, недобро глядя на русов, тут же перевел его слова.

– Это храм твоего бога? – кивнул на величественное строение, увенчанное крестом, Листяна.

– Да, – подтвердил Фотий.

– Тогда поклянись его именем, что сдержишь слово.

– Я патриарх всех христиан, – спокойно отозвался Фотий. – Данное мной слово крепче этих каменных стен.

– Три миллиона денариев, – сказал бек Богумил по-гречески.

– Я помню, – отозвался Фотий. – Вы получите их.

Глава 4 НОВГОРОД НА ЛАДОГЕ

Весть об удачном походе князя Аскольда в Царьград дошла до Воислава Рерика осенью. Нельзя сказать, что она его огорчила, но и не обрадовала. Киевляне продемонстрировали свою силу не только надменным ромеям, но и новому великому князю приильменских словен, которого многие в этих землях терпели, но частенько называли самозванцем. И хотя походы, совершенные новым великим князем в земли мери и муромы, были удачны, но все же городишко Ростов не Константинополь, а примученные варягом беспокойные вепсы не ромеи. Об этом князю Воиславу сказал боярин Владимир, и все старейшины словенских родов отозвались на его слова кривыми усмешками.

– От кого ты узнал подробности о походе? – спросил Воислав у боготура Осташа, который нахохленным старым сычом сидел у стола, накрытого в просторной горнице.

– От Листяны сына Искара, – отозвался боготур. – Ты его должен помнить. Тогда он был зеленым юнцом, а ныне ему уже на пятый десяток перевалило.

– Много взяли?

– Виру с ромеев содрали в три миллиона, ну и прочего добра нахапали изрядно.

– Хазары помогли Аскольду?

– А ты откуда знаешь? – удивился Осташ.

– Догадался, – усмехнулся Воислав. – Уж больно удачно они выбрали время для удара.

На Искара Урса можно рассчитывать?

– Это смотря в чем, – нахмурился Осташ. – Войны между своими не хочет никто. Да и с хазарами у русаланов пока что мир.

– Однако дань они им платят.

– Русаланы – нет. Платят северцы, радимичи и вятичи. Но эта дань не настолько обременительна, чтобы бросаться в кровавую сечу.

– Что сказала тебе кудесница Дарица?

– На ее помощь ты можешь рассчитывать, Воислав, как и на помощь ее дочери, княгини Милицы. Обе они люто ненавидят хазар. Но мужи радимицкие пребывают в раздумье. Иные говорят, что хазарская пята – не тяжелее новгородской. Наслышаны они о тебе, Воислав, а иные видели воочию.

Не все сказал боготур великому князю, про Олега утаил, а потому и буравил его Воислав синими глазами, ждал полной откровенности. Но и Осташ не вчера на свет народился, знал, о чем можно сказать вслух, а о чем лучше, промолчать.

– Ярл Хокан пришел в Новгород седмицу назад, – спокойно сказал Рерик. – Я этому лису не верю.

– Много у него викингов?

– Две сотни на четырех драккарах. Свеи, похоже, встревожены моими действиями в верховьях Волги. Взяв Ростов и Муром, мы перекрыли доступ хазарских и арабских товаров в Бирку.

Осташ знал, что Бирка, расположенная на побережье свейских земель, соперничала в торговле с варяжскими городами. И после того как князь Гостомysl перекрыл путь хазарским купцам через территории ильменских словен, те протоптали дорожку по землям муромы и мери именно к свеям. Со взятием Ростова и Мурома варягами Рерика эта ниточка, связывающая Итиль и Бирку, оборвалась, к большому огорчению тех и других.

– Думаешь, свеи решаться на войну? – спросил Осташ.

– Вряд ли. Воевать-то им придется не только со мной, но и со всей Варгией. Варяжские князья, бояре и купцы не настолько глупы, чтобы уступить первенство в торговле на Балтике.

Теперь, с развалом империи Каролингов, у нас развязаны. Думаю, каган Мстивой сумеет обуздать свеев, если те вздумают вмешаться в наши дела. Меня иное тревожит. Хазары и свеи вполне способны сговориться с новгородскими боярами и волхвами Перуна и нанести удар из-за угла. Да и к Аскольду Киевскому у меня нет веры. Сивар перехватил его гонца к боярину Владимиру.

– И что сказал гонец?

– Аскольд предлагает помощь Владимиру. Не только свою, но и князя кривичей Градимира.

– А что ты собираешься делать?

– Построить новый город, – сверкнул глазами Воислав. – Мне нужен стольный град, где хозяином буду я, а со мной – преданные воеводы. Я уже послал Трувара к озеру Ильмень с наказом построить город. Оттуда будет проще выйти к Пскову, Полоцку и Смоленску, и у кривичей сразу отпадет охота вмешиваться в наши дела.

Если верить преданиям, Новгород на Ладоге был заложен князем Владимиром Старым двести лет тому назад, а может, и более того. Все эти годы он был стольным градом словен, и вряд ли здешние старейшины легко согласятся с задумкой великого князя, ибо появление нового города неизбежно подорвет влияние приладожских родов и вознесет роды приильменские. Но, похоже, Рерик, не нашедший понимания у ладожан, именно этого и добивается. Но тогда, надо признать, он здорово рискует. Старая знать, возвысившаяся при Буривое и Гостомысле, так просто своего не отдаст.

Осташ уже успел встретиться с Божидаром, кудесником Перуна. И хотя Божидар был привычно сдержан в проявлении чувств, но все же дал понять, что не считает выбор покойного князя Гостомысла удачным. Причин для недовольства Воиславом Рериком у новгородских старейшин было немало. Не последнюю роль в закипающей вражде играло давнее соперничество между волхвами Перуна и Световида. Противостояние, возникшее во времена князя Буривова, когда новгородцы решили освободиться от опеки Варгии, в последние десятилетия вроде бы сошло на нет, но ныне, с появлением на землях словен варягов Воислава Рерика, вспыхнуло с новой силой. Вряд ли именно кудесник Божидар стоял во главе заговора против нового великого князя, но в том, что он о нем знал и заговорщикам не препятствовал, у Осташа сомнений не было.

От князя Воислава Осташ направился к боярину Владимиру, благо давнее их знакомство давало боготуру право на теплый прием. Терем Владимира был из самых красивых в стольном граде. Осташ невольно залюбовался резным крыльцом, что позволило челядинам доложить хозяину о появлении гостя в его усадьбе. Владимир поднялся из-за стола навстречу боготуру и лично поднес заздравную чашу. Осташ поклонился четырем углам и осушил ее одним глотком, чем, кажется, порадовал и Владимира, и его сотрапезников. Двое бояр, сидевших за столом, были известны Осташу, а вот третьего сотрапезника он видел впервые.

– Ярл Хокан, – представил белобрысого незнакомца боярин Владимир.

Свей благодушно кивнул Осташу и чуть подвинулся на лавке, освобождая место новому гостю. Бояре Доброгаст и Людослав с любопытством уставились на старого боготура, отлично понимая, что пришел он к боярину Владимиру неспроста. В Новгороде отдавали первенство Перуну, но бога Белеса тоже чтили, как и во всех других славянских землях, и всегда прислушивались к словам его ближников.

– Слышал я, что вы недовольны новым князем, бояре, – сразу взял быка за рога Осташ.

– Недовольны – это слишком мягко сказано, – усмехнулся Доброгаст.

Боярин был худ, невысок ростом и жилист, чем разительно отличался от своего соседа Людослава, мужа рослого и чреватого. Возраста же бояре были почти одинакового, обоим перевалило за сорок. Но если темные волосы и усы Доброгаста уже сильно были трачены ранней сединой, то русоволосый Людослав смотрелся молодцом.

– Что так?

– У нас здесь не Варгия, – недовольно буркнул Людослав. – Наши князья без слова бояр и веча ступить не могли, а этому, видишь ли, все нипочем. Ладно, когда он вепсов, мерю, чудь и мурому данью обложил, так он и со словен подати требует.

– А разве словене прежде князю подати не вносили?

– Так ведь по вечевому слову вносили, а не по князьему, – возразил боготуру Доброгаст. – Такого среди словен еще не было. Мы ему не холопы. Прежде у нас спрос с нерадивых чинили Белые Волки, а ныне везде хозяйничают его ротарии. Они ближники Световида, а не Ударяющего бога.

Бояре Доброгаст и Людослав в ближниках Перуна, насколько знал Осташ, не числились и прежде относились к их заботам без большого восторга, но теперь их настроение переменилось. Причиной этих перемен был Владимир, который среди Волков Перуна стал одним из первых.

– Ты не прав, боярин Доброгаст, – осуждающе покачал головой Осташ. – Ротарии приносят клятву не только Световиду, но и Роду, и Перуну. В подтверждение этой клятвы они малюют на щитах и на шлемах трезубцы, которые являются символом единства трех славянских богов. И имя этому труверу – Белобог. Нельзя кланяться Световиду, не поклонившись при этом Роду и Перуну. Нельзя кланяться Перуну, не воздав почестей Роду и Световиду. Кто покушается на трувер, тот становится врагом славянского единства.

– А как же Даджбог? – спросил Людослав.

– Даджбог – еще один из сыновей Рода, впитавший в себя силу Солнца. Славянских племен много, и каждое жаждет иметь своего покровителя. Но и внуки Даджбога должны чтить трувер, ибо в нем заключена энергия создателя всего сущего, как божественного, так и земного – Великого Рода.

– А как же бог Яхве? – спросил ярл Хокан, и в серых глазах его промелькнула насмешка.

Свей не понравился Осташу с первого взгляда. Нет, не зря Воислав назвал его хитрым лисом. Хокан был высок ростом, широкоплеч и, видимо, удал в драке, но его хитроватое лицо не внушало доверия.

– Каждый вправе кланяться тому богу, к которому лежит его душа. Хазарские ганы и беки повинны не в том, что поклонились Яхве, а в том, что не почитают других богов, называя их простыми деревяшками. Тем самым они не только богов унижают, но и печальников их хотят обратить в своих рабов. Не по-божески это, свей, и не по-людски. Между людьми нет равенства, но каждый род и каждое племя достойны уважения.

– Тогда почему Рерик и его ротарии нас унижают? – впервые за все время разговора подал голос боярин Владимир. – По твоим словам, боготур Осташ, выходит, что тем самым они не почитают не только бога Перуна, но и Световида и Рода. А среди варягов Воислава есть и такие, которые забыли наших богов и кланяются Христу. По всему видно, что ротарию Рерику они ближе печальников Перуна и Световида.

– Среди варягов нет печальников Христа, – возразил Осташ. – Они есть среди франков. Но франки веру эту получили от отцов и дедов, и принуждать их отречься от Христа не вправе ни я, ни ты, Белый Волк Владимир. А вот коли они начнут смущать умы простых словен, то я первый с них за это спрошу.

– Спрашивать будешь не ты, боготур Осташ, а новгородское вече, – надменно произнес Владимир. – И спросит оно не только с христовых печальников, но и с Воислава Рерика, который не чтит наших обычаев и пренебрегает словом лучших людей.

Доброгаст и Людослав дружно закивали, из чего Осташ заключил, что между ладожскими старейшинами все уже решено и отступать они не намерены. А убедить свои роды крикнуть на вече против великого князя Воислава Рерика им труда не составит. Благо право

выступать перед собранием словен имеют только бояре, а простого человека никто говорить не пустит.

Одного только не учли боярин Владимир и кудесник Божидар. Их нынешней соперник вырос в земле, где вечевое слово мало что значит, там важны только сила и умение вовремя нанести удар. Воислав Рерик боролся с императорами и королями, так что ему боярин Владимир. Перешагнет он через него как через колоду и пойдет дальше, к своей цели. А цель Рерика не чужая Осташу, и ради ее достижения боготур готов пожертвовать многим и многими, включая Владимира.

Все складывалось так, как рассчитывал боярин Владимир и его сподвижники. Ладожане, разгоряченные их словами, дружно прокричали «не люб» Воиславу Рерику и постановили гнать его не только из города, но и с окрестных земель, а коли он вечевому приговору станет противиться, то покарать смертью и его самого, и его прихвостней. Простолюдины, заполнившие площадь, ревели от возмущения, бояре скупно улыбались. Кровь еще не пролилась, но многие понимали, что варягов добром из города не отпустят. Остащ, стоявший ошуюю кудесника Божидара, не уловил, кто первым крикнул страшное слово «бей!», но для озверевшей толпы это стало сигналом к бесчинствам. Оружие у словен было. Это Остащ заметил сразу. На вече принято ходить безоружными, но, видимо, бояре, готовившие кровопролитие, решили в этот раз обычаем пренебречь.

– Зряшная затея, – холодно сказал Остащ побледневшему Божидару. – Кровь на тебе будет, кудесник.

– Вече приговорило, – процедил сквозь зубы Владимир, стоящий рядом.

– Вече приговорило прогнать варягов, а не убивать. Торопись ты, Белый Волк.

– Рерик все одно не ушел бы добром, – возразил боярин Доброгаст.

– Не ушел бы, – согласился Остащ. – Но тогда вина за пролитую кровь была бы на нем, а теперь она на вас.

– Уйди с дороги, боготур! – Владимир обнажил меч и шагнул к Осташу. – Все знают, под чью дудку ты пляшешь.

– Я пляшу под дудку Велеса, Белый Волк, об этом каждая собака лает. И дорогу я никому еще не уступал, ни конному, ни пешему.

– Опомнись, боярин Владимир, – негромко произнес кудесник Божидар. – Негоже кидаться с мечом на безоружного.

Владимир долго с ненавистью смотрел в глаза Осташу, а потом круто развернулся и бросился в гудящую толпу.

– Останови побоище, Божидар, – повернулся боготур к кудеснику. – Нет за вами правды, только кровь напрасно прольется.

– Уже поздно, – мрачно изрек первый ближник Перуна. – Теперь нас с Рериком рассудит сам Ударяющий, и пусть, его приговор будет справедливым.

Город гудел как растревоженный улей. Похоже, мятежники заранее наметили свои жертвы и теперь рассредоточились по всем концам Новгорода. Однако наибольшее их число собралось вокруг детинца, сильно обветшавшего за последние десятилетия. В первых рядах атакующих Остащ без труда опознал свеев ярла Хокана. Эти были не только при оружии, но и в броне. Тяжелый таран в их сильных руках летал, словно перышко, и с каждым новым ударом в досках ворот появлялись огромные трещины. Со стен детинца и приворотной вежи стреляли варяжские лучники, но толку от их усилий было мало. Свеи прикрывались от стрел щитами и с дружным рыком долбили ворота. Ладожане тоже взялись за луки и быстро заставили варягов спрятаться за стены.

Ворота наконец разлетелись в щепы, и толпа с торжествующими воплями ринулась в образовавшийся зев вслед за мечниками ярла Хокана. Дело, казалось, было решено. Осташ увидел торжествующее лицо боярина Вадимира и укоризненно покачал головой.

– Рерика сюда, – взревел боярин Людослав, потрясая мечом, – Рерика на лобное место!

Толпа дружно подхватила его крик, а появившийся в проломе боярин Доброгаст произнес горестно:

– Нет Рерика.

Вадимир, стоявший посреди площади в окружении мечников, покачнулся. Во всяком случае, так показалось Осташу.

– Закрыть городские ворота, – крикнул кудесник Божидар, но, увы, запоздал с приказом.

Фаланга варягов, ошетилившаяся копьями, уже втягивалась в город. На площадь они вступили плотными рядами, опрокинув в грязь жидкий заслон, спешно выставленный ладожанами. Потом этот железный еж прокатился по площади, оставляя за собой жуткий кровавый след. Из детинца выскочили свеи, но построиться в ряды не успели, копьё железного ежа пришилили их к старым стенам. Потом железная скорлупа распалась, выпуская на волю мечников.

Боярин Вадимир попытался удержать варягов у лобного места, но его дружинники падали один за другим, а сам он вынужден был пятиться к помосту. Белый Волк до самой смерти не выпустил меча из рук. Лишь в последнее мгновение его ладонь бессильно разжалась, выпуская из пальцев рукоять, отделанную серебряными узорами. Свеев перебили всех до единого. Ярла Хокана, взятого живым, тут же вздернули на воротах, не дав и слова сказать в свою защиту. Уцелевших словен обезоружили и согнали на площадь перед лобным местом, где продолжал стыть одеревеневший кудесник Божидар.

И только тогда на площади появился Воислав Рерик. Он единственный из всех варягов был верхом. Конь под ним был белым – конь Световида. Всем собравшимся на площади, оружным и безоружным, варягам и ладожцам, стало ясно, что наступил час ответа. Не Рерик спрашивает у кудесника Божидара, зачем пролилась славянская кровь, а сам бог Световид.

Божидар так и не нашел ответа на этот вопрос, бог Перун не простер десницу над своим первым ближником и не вложил в его уста веского слова. Молчал Божидар. Долго молчал, целую вечность. А потом достал из складок одежды жертвенный нож и так же молча воткнул его себе в грудь. В тот же миг удар молнии рассек потемневшее небо, и потоки слез хлынули с неба на окровавленную землю. Перун принял искупительную жертву и даровал прощение тем людям, над которыми уже были занесены мечи варягов.

Великий князь Рерик не пошел против бога, приподнявшись на стременах, он зычно прокричал на всю площадь:

– Отпустить мятежников! Да будет услышан на землях словен голос Перуна. Да отзовется он в наших сердцах, ибо не к крови призвал он нас, а к миру. И пусть будет так, как я сказал.

Глава 5 КНЯЗЬ ГРАДИМИР

Князь Градимир с интересом выслушал посланца киевских князей, любезного боярина Казимира. Надо же, что на белом свете делается. И ладно бы где-то за морями, а то у ближайших соседей, приильменских словен. О князе Воиславе Рерике Градимир, конечно, слышал и даже принимал года два назад его послов. Ничего важного те послы кривичам не сказали, зато преподнесли князю арабский меч в ножнах, усыпанных драгоценными камнями. Возможно, в этом даре и был какой-то тайный смысл, но Градимир его не уловил и отдался хазарским седлом, богато отделанным серебром и золотом. Пусть горделивые варяги не думают, что кривичи щи лаптем хлебают.

На первое место в славянских землях князь Градимир не рвался, сидел себе скромно в Смоленске, лаялся время от времени с волостными князьями, которые слишком много воли на себя брали, не заботясь о ряде, заведенном от дедов-прадедов, дожил тихо-мирно до тридцати пяти годов и вдруг обнаружил, что оказался между двух сил, ошестинившихся друг против друга. Какой леший принес из-за моря этого варяга? Да и Аскольд несколько не лучше. Воитель! Мало ему своего добра, так он ромеев взялся зорить. Договор он с ними заключил, а кому тот договор нужен.

– Так, говоришь, Рерик решил строить новый город? – спросил со вздохом Градимир у боярина Казимира.

Боярин поднес к губам серебряный кубок.

– Не решил, а строит уже. Года четыре минуло, как тот град заложили. В Ладоге ему ныне сидеть не с руки. Злы на него ладожане за старейшин, погубленных пять лет назад.

– Был у меня боярин Доброгаст, – кивнул Градимир. – Рассказывал, как дело было. Выходит, Рерик пошел против вечевоего приговора. А боярина Вадимира, конечно, жаль.

– Боярин Доброгаст теперь в Киеве, – понизил голос едва ли не до шепота Казимир. – Князь Дир его обласкал, наделил землю, но все одно – чужая сторона. А за Рериком стоят Велесовы волхвы, у них теперь новый кудесник – Осташ. Из простых, говорят, вышел, но власть взял твердо, не только боготуры, но и волхвы смиренно ходят под его рукой.

Сидели князь с боярином по-простому, распоясав рубахи, посторонних в горнице не было, а потому и разговор между ними шел доверительный. Боярину Казимиру в этом году на седьмой десяток перевалило, но бороду он брил, а потому и выглядел моложе своих лет. Князь Градимир на четверть века моложе киевлянина, но чревом с ним почти сравнялся. Дороден был великий князь кривичей, чего уж там. Видимо, спокойная жизнь сказалась.

– Жениться тебе надо, князь Градимир, – посоветовал Казимир. – Чего в твои-то годы вдовствовать. А мало одной жены, так бери две. Негоже, когда у великих славянских князей нет достойного потомства.

– Так у меня этого потомства полный терем, – удивился неожиданному совету князь.

– А матери у них кто? – укорил хозяина гость. – Холопки да роботы. Вот и лезут на славянские столы пришлые варяги. Кровь у них, видишь ли, царская. От кагана Додона свой род ведут, от Меровея Венета. А кто у нас того Меровея помнит? Тех Меровеев с франкских столов сбили, так теперь мы их будем у себя привечать и выи перед ними гнуть?

– Не пойму я, к чему ты клонишь, боярин Казимир? – нахмурился хозяин.

– А к тому я клоню, князь, что если не тебя, то твоих сыновей собьют с великого стола, объявив худородными.

– Это я-то худородный! – взвился Градимир. – Да я свой род поименно от князя Вандала считаю.

– А кто спорит-то, – сразу же пошел на попятный струхнувший боярин Казимир. – Нет среди славянских князей родовитее тебя. Ну, разве что князь Дир, потомок Кия. Но видишь, как боги распорядились. Нет у Дира достойного преемника. Княжич Герлав сын Аскольда числится ныне наследником киевского стола, но это ведь как удельники и бояре посмотрят.

– А я думал, тебя Аскольд послал? – задумчиво почесал затылок Градимир.

– Стар я, чтобы его умом жить, – обиделся Казимир. – Мой отец был первым боярином в Киеве, когда об этом варяге и слыхом не слыхивали. От князя Дира я тебе совет привез, Градимир. И совет тот мудрый – женись. Нельзя допустить, чтоб такая кровь в землю ушла, не оставив достойного потомства в славянских землях.

– И на ком я должен жениться, по-твоему?

– На внучке Гостомысла, – спокойно сказал Казимир. – На дочери его младшего сына Любогаста. Ей ведь семнадцатый годок пошел. Живет она приживалкой у своей сестры, боярыни Златы, в Пскове. Вот ведь как бывает с великими родами, Градимир. Три сына было у Гостомысла и четыре внука от тех сыновей, и всех их пережил великий князь словенский.

– Поди уродлива девка-то, – недоверчиво глянул на гостя хозяин.

– Кровь с молоком, – обиделся Казимир. – Краше Милорады, дочери Любогаста, нет девушки в славянских землях.

Градимир призадумался. Его покойная жена и не была бесплодной, но рожденные ею дети на этом свете не задерживались, а сыновья, прижитые с наложницами, конечно, не в счет. Лет через десять великий князь радимичей вполне может оказаться в положении Дира, когда твою власть вроде бы никто не оспаривает, но ближники уже шарят глазами по сторонам в поисках достойного преемника. А тут еще варяги, будь они неладны. Спихнут со стола, и глазом не успеешь моргнуть. Те же волхвы скажут, что де богам Градимир не мил, потому и не дали они ему достойного потомства. А свои дуроломы начнут орать на вече – «не люб». Сила князя не только в нем самом, но и в его детях, это знают все. Видимо, и впрямь пришла пора Градимиру задуматься о будущем.

– Псков-то ныне за Рериками, – вздохнул князь. – Там сидит удельником Трувар, брат Воислава.

– И пусть сидит, – всплеснул руками Казимир. – Ты же сватов туда засылаешь, а не мечников. Хочешь, я за девкой съезжу. Путь неблизкий, но я готов телеса растрясти, чтобы тебе угодить, князь.

– Не пойму я, боярин, какая тебе выгода в моей женитьбе?

– О детях я беспокоюсь, князь. У меня ведь трое сыновей, не считая девок. А если варяги в Киеве утвердятся, разве ж станут они с местными родами считаться. Возьми тех же новгородских бояр, чуть не дюжина их ныне прибежала к Диру. И не всем так повезло, как Доброгасту, иные перебиваются в нищете и забвении.

– Ну а ты тут при чем?

– Так ведь великим киевским князем после смерти Дира могут кликнуть Градимира.

– А Аскольд это стерпит?

– Так не вечен Аскольд-то, – усмехнулся Казимир. – А после смерти прилюдного варяга никто о его сыне Герлаве и не вспомнит. Войны я боюсь, князь Градимир, и князь Дир боится. Аскольд ведь Христовых служек в Киев пустил. Волхвы на него в обиде. Киевская старшина гудит в недоумении. Про Аскольда ведь и раньше ходили слухи, что он к Христу не равнодушен, а славянским богам жертвует-де для отвода глаз. Но и между Христовыми печальниками тоже мира нет. Мне ган Кончак, сын бека Карочей, сказал, что патриарх Фотий проклял римского патриарха Николая, а тот ему ответил той же монетой. Мало нам своих забот, так теперь изволь чужую кашу расхлебывать.

– А дядька твой, бек Карочей, здоров ли?

– Годы его, конечно, немалые, но скрипит помаленьку. А вот каган-бек Ицхак совсем, говорят, плох. С его смертью многое в Хазарии может поменяться, и следует быть к этому готовым.

Градимир выдающимся умом не блистал, на том и строил свой расчет бек Карочей. Хазарам нужен был человек, который станет угрозой как Аскольду, склоняющемуся к Византии, так и Рерику. Конечно, Градимир – человек хлипкий и ждать от него великих деяний не приходится, но столкнуть лбами Аскольда и Рерика он сможет, если руководить им будут разумные люди.

Боярин Казимир, окажись он на месте кривицкого великого князя, в чужую свару не полез бы даже ради киевского стола, но Градимир, похоже, проглотил наживку. Оно, конечно, и кривицкая земля обширна, но если добавить к ней земли Полянские и древлянские, то быть Градимиру первым князем в славянских землях. Против соблазна власти и умные люди устоять не могут, так что уж тут с глупцов спрашивать.

– Что ж, боярин Казимир, коли сосватаешь мне Милораду, то я этой услуги ни тебе, ни твоим сыновьям не забуду.

Путь от Смоленска до Пскова не близкий, а боярин Казимир был уже не в том возрасте, чтобы волком рыскать по славянским лесам. И хотя дорога была хоженной, торили ее многие торговые караваны, а все ж добрался киевлянин до Пскова совсем без сил. Благо последнюю треть пути посланцы князя Градимира проделали по воде, а то пришлось бы Казимиру к князю Трувару ползти на четвереньках. К счастью, боль в спине отпустила, а потому и взлетел боярин на крыльцо чужого терема пусть не бодрым соколом, но и не мокрой курицей. С боков Казимира поддерживали сын Вартислав и братан ган Кончак, на которых в силу молодости проделанный путь никак не отразился.

Боярин Казимир помнил князя Трувара Рерика совсем молодым, а ныне перед ним предстал седой муж, испещренный морщинами. Судя по всему, минувшие годы нелегко дались Трувару, оставив на его лице глубокие шрамы. По прикидкам Казимира, нынешний псковский удельник годами был никак его не моложе. К шестидесяти ему точно подвалило. Однако держался Трувар бодро, похоже, силы в его худощавом теле хватало не только для пиршественного стола, но и для злой сечи.

Киевского боярина он принял с честью, да и спутников Казимира заздравной чашей не обнес, и пока не угостил гостей вином, с расспросами к ним не лез. Впрочем, насколько помнил Казимир, Трувар всегда отличался сдержанностью и в речах, и в поведении, в отличие от своего брата Сивара, охальника и пустобреха.

Ближниками князя Трувара были в основном варяги, однако в его тереме оказалось немало и псковских бояр, среди которых Казимир без труда опознал боярина Никлота, в семье которого росла Милорада, потерявшая отца и мать. Тетка ее, боярыня Злата, была дочерью княжича Избора, среднего сына Гостомысла, стинувшего в Итиле много лет тому назад вместе с князем Драгутином. Видимо, Трувар за то и привечал Никлота, что тот был женат на его двоюродной сестре. Такое родство ныне дорогого стоит, а потому и сидел удачливый псковский боярин в наверхье стола, а не в охвостье, где перебивалась псковская старшина, оттесненная от князя пришлыми людьми.

Казимира за стол посадили рядом с Никлотом, чему он несказанно обрадовался. Во-первых, знакомое лицо, во-вторых, псковский боярин умом не обделен, и в-третьих, человека, осведомленного его, киевскому боярину в Пскове, пожалуй, не найти. После пущенной по кругу братины и здравниц в честь князя Трувара и гостей бояре приступили к трапезе.

– Худого слова про князя Трувара не скажу, хоть строг, но справедлив.

Иной оценки князя, сидящего тут же за столом Казимир от боярина Никлота и не ждал, а потому с готовностью закивал.

– А я ведь к вам за невестой приехал, – поделился своей заботой с соседом боярин Казимир.

– Сына женить задумал? – попробовал догадаться Никлот.

– Бери выше, – воздел очи к потолку киевлянин.

– Так ведь стар князь Дир для жениха, – удивился псковитянин.

– Я веду речь о князе Градимире, – пояснил Казимир. – Просил он меня об этой услуге, и я по слабости сердца не смог ему отказать. Хотя годы мои уж не те, но для благого дела решил расстаться.

– А кого сватать-то будешь?

– Внучку Гостомысла, что в твоём доме живет, боярин.

Никлот хоть и вскинул выцветшую бровь, но, по всему видно, не слишком удивился. Не так уж и много на славянских землях родовитых невест, чтобы Милорада, дочь Любогаста, пропала в безвестности.

– Не за пришлого же варяга тебе ее отдавать, – понизил голос почти до шепота Казимир, удивленный долгим молчанием собеседника.

– Не мне решать участь Милорады, – так же тихо ответил Никлот. – Князь Трувар ей по крови ближе.

– Думаешь, не отдаст? – нахмурился киевлянин.

– Кто ж его знает, – пожал плечами Никлот.

Однако Трувар киевскому свату не отказал. Все-таки Градимир Кривицкий – завидный жених, что там ни говори. И годами он еще не стар, и положение его среди славянских князей не из последних. Невесту явили сватам во всей красе. При виде Милорады ган Кончак даже языком прицокнул, пришлось боярину Казимиру ткнуть братана локтем, дабы не ломал чинного ряда. Боярин Никлот, опекун юной княжны, не скрывал радости, ему этот союз сулил большие барыши, причем заслуженно, как дружно отметили все присутствующие на смотринах. Взрастил не девицу, а белую лебедушку. Такой только и идти по жизни рядом с великим князем кривичей.

– Знал бы, что такая краля в Пскове живет, сам бы к ней посватался, – усмехнулся ган Кончак и подмигнул хитрым взглядом Братиславу. Юный боярин от смущения зарделся, а Казимир пожалел, что взял игривого гана с собой. Забил копытом жеребец. Этак он всю игру поломает своему отцу беку Карочю.

Развеселое настроение Кончака прошло, когда он узнал, кого князь Трувар снарядил в сопровождающие княжне Милораде вместе с боярином Никлотом. На Казимира молодой светловолосый варяг тоже произвел не самое лучшее впечатление, хотя лицом воевода Олег был чист, со старшими вежлив, Улыбчив. Разве что в глазах его пряталась какая-то хитринка.

– Ты что, виделся с ним раньше? – спросил Казимир у гана.

– За одним столом пировали в радимицкой столице, – криво усмехнулся Кончак. – Принимали его там как родного.

– Это ты к чему? – не понял боярин.

– Слух шел меж радимичами, что он сын боготура Драгутина.

– Ну и что?

– И еще говорили, что темного он рода, колдовского.

– Это как? – опешил Казимир.

– То ли мать у него колдунья, то ли отец – Чернобог.

– Болтаешь невесть что, – махнул рукой боярин.

– За что купил, за то и продаю, – обиделся Кончак. – Князь Стоян тоже не поверил мечникам боготура Драгутина, которые распустили языки, отдавав браги. Теперь Стоян пирует в стране Света, с ним ушли двадцать его мечников и десять моих хазар.

Боярин Казимир бросил испуганный взгляд на двери. Сватов князя Градимира разместили в обширном княжеском тереме, где любопытных ушей, надо полагать, хватало. Нашел ган Кончак место для откровенного разговора. Брал бы пример со своего отца бека Карочья. Вот из кого лишнего слова не вытянешь.

– Вы что же, охотились за боготуром Драгутином? – жарким шепотом спросил Казимир.

– А я о чем тебе толкую, боярин. Нельзя было допустить, чтобы радимичи столковались с варягами. Да не выгорело дело. Драгутин повидался не только с сестрой Милицей и братом Яромиром, но и с матерью, кудесницей Дарицей.

– И что в этом такого? – пожал плечами Казимир. – Человек четверть века провел вдали от родных.

– Олега он с собой возил и в город Торусин, и в Макошин городец. А в Макошин городец не всех пускают.

Боярин Казимир на это только рукой махнул. Провалил Кончак дело, порученное отцом, а теперь ищет виноватых. Боготур Драгутин, всю жизнь не выпускавший из рук меча, и без помощи навых сил способен расправиться со своими врагами.

– Отец встревожился, – вздохнул Кончак. – Сказал, что за этим Олегом тянется черный след. Велел мне быть осторожнее. Так-то вот, боярин.

– А Олег тебя узнал?

– Коли узнал, то беда невелика, – пожал плечами Кончак. – Мы своих мечников разбойниками обрядили. А не пойман – не вор.

Князь Трувар выделил своей родственнице немалую свиту. Одних мечников набралось пять сотен. Казимир как увидел их, так ахнул. Уж не в поход ли на кривичей собрался князь Трувар?

– Какой еще поход? – удивился Никлот. – Чем больше свита, тем больше чести невесте. Ты на приданое взгляни. Два сундука золотой и серебряной посуды, мехов без счета, парча златотканая, оружие и пятьдесят тысяч денариев серебром. А если на татей нарвемся? Прикажешь им все отдать?

Окинув взглядом ладью, груженную приданым Милорады, боярин Казимир пришел к выводу, что Никлот, пожалуй, прав. Приданое за невестой набралось немалое. Рерики не уронили чести своего Рода и рода князя Гостомысла. Но если они за сиротой-племянницей дают столько добра, то сколько же богатства лежит у них по схранам?

– И не говори, боярин Казимир, – вздохнул Никлот, устраиваясь на носу ладьи рядом с киевлянином. – Рерики, пожалуй, богаче франкских императоров. О наших славянских князьях я уже не говорю. Да и чему удивляться, если они десять арабских городов ограбили.

– Как десять?! – ахнул Казимир. – Быть того не может!

– Собственными ушами слышал от Трувара, что в арабской Севилье они серебро не брали – девать некуда было. Хапали только золото.

Боярин Казимир оглянулся. Прибыл он в Псков на одной ладье, взятой у знакомых купцов, а ныне за ним плывут двенадцать деревянных лебедей, горделиво выгнувших шеи.

– Зря беспокоишься, боярин, – успокоил киевлянина Никлот. – Князь Трувар уже выслал гонцов вперед. Они купят телеги и организуют нам безопасный переход по суше.

– Невесту бы не потерять, – усмехнулся Казимир.

– Боярыня Злата за ней в оба глаза смотрит.

Весь путь по воде бояре продремали на носу ладьи, благо к веслу их никто не звал в силу почтенного возраста. Наговорились они всласть, перебивая косточки всем знакомым. От боярина Никлота боярин Казимир узнал, что воевода Олег – внук военачальника, одного из первейших в империи франков, мать его из рода Мероветов, а сестра, пятнадцатилетняя Ефанда, – нареченная невеста Воислава Рерика.

– Так ведь тому Воиславу за шестьдесят, – удивился Казимир чужому проворству.

– Иным жеребцам и годы не помеха, – насмешливо прищурился в его сторону Никлот. – Ты ничего о пророчестве Константина не слышал?

– Какого еще Константина? – насторожился Казимир.

– А бес его знает, – вздохнул Никлот. – Вроде он из ромеев. А привиделась Константину империя, почище тех, что создали ромеи и франки. Быть той славянской империи на наших землях, а начало ей положит сын Воислава Рерика и Ефанды, которая тоже ведет свой род от Меровея Венед и кагана Додона.

От таких вестей боярин Казимир прямо обмер. Неспроста, выходит, объявились Рерики в Ладогe. И неспроста они строят новый город. Империю им подавай! Спасибо князю Гостомыслу, да икнется ему в стране Вырай, за таких внуков. Удружил всему славянскому миру. Это ж мы теперь в крови захлебнемся. А Никлоту хоть бы что: ухмыляется в усы да щурится в сторону встревоженного киевлянина.

– Рано беспокоишься, боярин Казимир. Сына Воиславу эта Ефанда еще не родила, а более у Рерики наследников нет. Трувар всю жизнь с полонянкой прожил. Она родила ему двух сыновей, да не той породы те дети, чтобы их опасаться. У Сивара и вовсе детей нет. Во всяком случае, я о них не слышал. Викинги они, что с них взять, почитай всю жизнь по чужим ларям шарили и чужих лебедушек мяли. Вот и растрясли свое семя по чужим углам.

Встревожившегося было Казимира слова псковитянина успокоили. Не допустят славянские боги разорения родной земли. Эти Рерики покрасуются еще с десятков лет да и сойдут на нет. Вот тут самое время будет князю Градимиру заявить о своих правах. Если хазары ему помогут, то кривич вполне может прибрать к рукам и Полянские земли, и ильменские.

Олег сразу узнал хазарского гана, с которым пировал в столице радимичей, и насторожился. Возможно, смерть берестянского князя Стояна и не была связана с тем, что это именно он сидел в засаде, перебитой в овраге под Торусином, но боготур Драгутин почти не сомневался в том, что подстерегал его на дороге именно этот человек, у которого с хазарами была давняя дружба. Олег приказал своим мечникам глаз не спускать с гана Кончака, но этим пока и ограничился. Зато сам Кончак не прочь был завязать дружбу с молодым воеводой, а долгий путь к Смоленску, сначала водой, а потом сушей, располагал к общению. Олег не чурался гана и молодого боярина Братислава, более того, охотно вступал с ними в разговоры.

Хазар и киевлянин практически ничего не знали о франкской империи и славянских городах на Балтийском побережье, а потому и слушали Олега, раскрыв рот. В свою очередь, Кончак много рассказывал об Итиле и роскошной жизни хазарских беков.

– А почему у вас не каган правит, а каган-бек? – удивился молодой франк.

– А зачем же обременять священную особу кагана земными делишками, – усмехнулся Кончак. – Властвует не тот, у кого больше прав, а тот, у кого больше ума. Каган Ханука слаб, а каган-бек Ицхак, да продлятся его дни, силен духом. И у Хануки есть свои сторонники, но у Ицхака их больше. В Киеве сейчас то же самое. Прав больше у великого князя Диры, а управляет там всем варяг Аскольд. Вратислав не даст соврать.

Застенчивый, как девушка, боярин Вратислав только кивнул в ответ на слова хазара, а взор его в это время был обращен на княжну Милораду, которая горделиво сидела в открытом возке, закутанная в платок чуть не по самые глаза. Лицо Милорада прятала не от любопытных взглядов, а от комаров и мошек, досаждавших и простолюдинам, и родовитым особам. Слышать разговор молодых людей из-за скрипа колес многочисленных телег она не могла, но их интерес к себе, конечно же, чувствовала.

– Жалко отдавать такую девку дураку Градимиру, – вздохнул Кончак.

– А князь Градмир – дурак? – полубопытствовал Олег.

– Умом не блещет, – со смехом подтвердил хазар. – Но в жизни семейной ум, конечно, не главное.

– Давно хотел спросить тебя, ган, как погиб князь Стоян? – Олег пристально глянул в глаза Кончаку.

– Не бери раны, воевода, – вздохнул хазар. – На моих глазах пал князь с коня, пронзенный стрелой. То ли на разбойную ватажку мы наткнулись, то ли печенеги устроили засаду на дороге, но испятели они нас стрелами и скрылись.

– Где это случилось?

– У самого Берестеня. Может, пяти верст не доехал до родного города князь Стоян. На вас ведь тоже напали там, как я слышал?

– Нам повезло больше, – кивнул Олег и отвернулся.

Ган Кончак все-таки вызнал у мечников воеводы, кто отвел беду от дружины боготура Драгутина. Оказалось, что именно Олег, которого франки именовали графом, первым почувствовал опасность, таящуюся в овраге, и предупредил остальных.

– Дар у него от бога, – сказал Кончаку пожилой мечник. – Иной раз сквозь землю видит. Мы меж собой зовем его Вещим.

– А от какого бога сей дар? – спросил любопытный хазар.

– Знамо дело, от Черного, – буркнул франк.

Князь Градимир едва с крыльца не упал, увидев невесту. Вот удружил ему боярин Казимир, так удружил! Телом вроде стройна княжна, но ликом-то до чего ужасна. И такую страхолюдину хитрый киевлянин именует белой лебедушкой. Да чтоб у него глаза повылазили! Градимир с трудом удержался от того, чтобы не ткнуть кулаком в ощеренные зубы киевлянина. Неловко было перед смоленскими боярами, собравшимися вокруг красного крыльца, чтобы полюбоваться княжьей невестой. Полюбовались. Ну, Казимир, ну, собачий сын, дай срок, спросит с тебя Градимир за нынешнее бесчестье.

Князь распалился до того, что едва не повелел своим мечникам гнать со двора псковитян вместе с их уродиной-княжной, но при виде приданого невесты смягчился. Загомонили и удивленные смоленские бояре. А уж когда боярин Казимир объявил, что кроме золотой посуды, мягкой рухляди и тканей за невестой дают еще и пятьдесят тысяч денариев серебром, тут у князя на душе и вовсе полегчало, а у его ближников дух перехватило от зависти.

– Ты не смотри на ее лик, князь, – зашептал Казимир на ухо Градимиру. – Комары девку искушали. Лесом ведь везли. Вон хоть у гана Кончака спроси, у него глаз молодой, наметанный.

– Краше нее не встречал девки, – охотно подтвердил хазар. – Коли ты, князь, отказываешься, я беру ее с закрытыми глазами.

– Но-но, – осадил Кончака князь кривичей. – Раскатал губу. Просватана уже княжна, – и, обернувшись к челядинам крикнул: – Вносите сундуки в терем.

Глава 6 АСКОЛЬД

Весть о том, что боярин Казимир сосватал для Градимира Кривицкого псковскую княжну, дошла до Киева только к осени. Князь Аскольд, почувствовав подвох, приказал ближникам вызнать подробности, которые были не из приятных. Кроме княжны Милорады, в Смоленске обосновались пятьсот варягов воеводы Олега. Это означало, что Рерики дотянулись-таки до земли кривичей и осели там, не испросив разрешения Киева. Глуповатый князь Градимир, возможно, и против своей воли, теперь оказался у них то ли в союзниках, то ли в заложниках, ибо где пятьсот варягов, там скоро будет и тысяча. Неужели князь Дир этого не понимает, не говоря уже о беке Карочее, без слова которого его сестричад Казимир не посмеет сделать и шага?

– Все они понимают, – спокойно сказал боярин Гвидон, давний и верный соратник князя Аскольда. – Опасен ты стал ныне не только для Новгорода, но и для Итиля.

Тридцать лет назад Аскольд и Гвидон в первый раз ступили на киевскую землю. Тогда никто не мог предположить, что судьба так вознесет нищих ротариев, у которых не было ничего – ни денег, ни могущественных покровителей, за исключением разве что бога Световида. Впрочем, у Аскольда крещенного в детстве, со Световидом были сложные отношения. Клятву он богу принес, но вряд ли она была искренней. Все эти годы Гвидон ждал, что грозный бог покарает его друга за лицемерие, но не дождался. С течением времени влияние Аскольда в Киеве только росло. Ныне без его ведома на землях полян ничего не делается. Местные старейшины и вспоминают иной раз о князе Дире, но кланяются все же князю Аскольду.

Гвидона стало брать сомнение, а так ли силен Световид, как твердят об этом волхвы, и все чаще взоры его обращались в сторону служек Христа. Световид молчал, когда Гвидон, поддавшись соблазну, окрестил своих сыновей, молчал, когда сам боярин принимал в своем тереме ближников ромейского бога. Гвидону оставался только один шаг к вере, которую он теперь считал истинной, но сделать его, приняв крещение, боярин пока не решался.

– Ты виделся с Леонидасом? – пристально глянул на Гвидона Аскольд.

– Патриарх Фотий и император Михаил обещают нам поддержку, но только в обмен на принятие христианства, ибо помогать язычникам им мешает вера.

– А что скажут на это волхвы и бояре?

– Многие бояре ждут только твоего слова, князь. Ромеи, присланные Фотием в Киев, время даром не теряли и склонили многих киевских старейшин к принятию истинной веры. Ты ведь тоже христианин, князь, пришла пора сбросить личину.

Аскольд задумался. Легко сказать, сбросить личину. А если она за столько лет уже к лицу приросла и отдирать ее придется с кожей? Киевляне, чего доброго, не узнают князя, для них его кровоточащий лик станет бесовским наваждением. В один миг можно потерять все, с таким трудом нажитое. Да и привык уже, чего греха таить, князь Аскольд к чужой вере. Привык жертвовать жадным до крови языческим богам, привык участвовать в посвященных им таинствах. Захочет ли истинный бог принять под свою длань человека, измазанного жертвенной кровью? Не постигнет ли Аскольда судьба кагана Обадии, которого волхвы сначала объявили драконом, а потом и вовсе убили руками Воислава Рерика?

Смерть брата, князя Трасика, до сих пор стояла у Аскольда перед глазами. Трасик шел на Калинов мост с твердой уверенностью в том, что ему удалось обмануть бога Белеса, и ошибся. Языческий бог покарал клятвopеступника рукой Сидрага Рерика. Теперь тан Гвидон предлагает своему старому другу Аскольду выйти на Калинов мост не с мечом, а с крестом в руке, но спасет ли крест от длани Чернобога?

– Леонидас считает Чернобога сатаной, – неуверенно произнес Гвидон. – Князем зла. А Христос – олицетворение добра и милосердия. Но ведь добро всегда побеждает зло на Калиновом мосту?

– Это смотря какое зло, – процедил сквозь зубы Аскольд. – Черный Ворон – вестник смерти. А все люди смертны – и язычники, и христиане.

– Зато души истинно верующих бессмертны.

– Бессмертны для рая или для ада? – резко обернулся к ближнику князь Аскольд. – Мы с тобой так много грешили, Гвидон, что вряд ли наш путь в том мире будет столь уж простым и гладким.

– Все грешат, – вздохнул боярин. – Но ромей Леонидас сказал, что со смертью Черного Ворона на нас снизойдет благодать, ибо этот Рерик не человек а посланец сатаны.

– Леонидас всего лишь простой смертный. У ромеев слова частенько расходятся с делом. Леонидас говорит одно, а Михаил – другое, в результате два варяга, Аскольд и Воислав, сходятся нос к носу на Калиновом мосту.

– Но патриарх Фотий обещал...

– Патриарху Фотию бог вручил Византию, а за Киев отвечаю я, Гвидон.

Разговор с князем Диром не заладился с самого начала. Великий князь лишь улыбался да разводил руками, слушая своего сопровителя. Вины он не чувствовал ни за собой, ни за боярином Казимиром. Эка невидаль, сосватали девку за родовитого человека. Радоваться надо по этому поводу, а не печалиться.

– Пятьсот варягов в Смоленске – повод не для радости, а для раздумья.

– Варяги – не наша забота, Аскольд, а князя Градимира, – Дир неожиданно рассмеялся, и Аскольд посмотрел на него с удивлением.

С годами великий киевский князь ослабел не только телом, но, похоже, и разумом. А ведь годы Диры не такие уж большие, едва за шестьдесят перевалило. Многие люди в эту пору мудреют, а этот того и гляди в дурачка превратится.

– С князем Градимиром беда приключилась, – пояснил слегка смутившийся Дир. – Принял он с излишком медовой браги на свадебном пиру и заблудился в собственном тереме. Шел, видишь ли, к нареченной, а очнулся в чулане. И теперь весь Смоленск гадает, кто лишил девственности княгиню Милораду, сам ли князь, впоследствии о том запамятавший, или нашелся добрый молодец, который ему помог.

Аскольд не сдержал улыбки. Что и говорить, случай забавный. Впрочем, от князя Градимира с его пристрастием к питию и врожденной глупостью всего можно ожидать.

– Дело не в глупости, Аскольд, а в порче, – серьезно глянул на сопровителя Дир. – Так, во всяком случае, утверждает ган Кончак. Он даже называет имя человека, напустившего эту порчу на несчастного Градимира.

– И кто же это такой?

– Воевода Олег. Кончак якобы собственными глазами видел, как тот выскользнул из комнаты Милорады.

– А откуда этот воевода Олег взялся? – нахмурился Аскольд.

– Все оттуда же, – криво усмехнулся Дир. – Помнится, твой римский знакомец Джованни как-то рассказывал нам о нем.

– Так речь идет об Олегасте Анжерском, сыне графини Хирменгарды!

– Тебе видней, Аскольд, а я в именах франков путаюсь.

Джованни утверждал, что Олегаст был зачат в ночь Белтайн, во время сатанинского обряда. Участвовали в нем три франкские женщины, Воислав Рерик, боготур Драгутин и Лихарь Урс, сын князя Искара. Франки считали его оборотнем и убили. По словам посланца папы Николая, человека весьма осведомленного, Олегаст мог быть сыном Драгутина. Но вполне возможно, что в его рождении поучаствовал князь зла, которого славяне именуют

Чернобогом. Так или иначе, но сын графини Хирменгарды вызвал на божий суд графа Неверского и убил его. Многие посчитали это чудом, поскольку Олегасту исполнилось всего пятнадцать лет, а его противник считался одним из самых опытных бойцов в империи франков.

– Ган Кончак утверждает, что воевода Олег обладает колдовским даром и способен предвидеть будущее, во всяком случае, мечники называют его Вещим. Он уже успел побывать в землях радимичей и встретиться там с княгиней Дарицей, кудесницей Макоши.

– Если она доводится ему бабкой, то ничего удивительного в этом нет, – пожал плечами Аскольд.

– Тогда почему боготур Драгутин не назвал его публично своим сыном? – пристально посмотрел на сопровителя князь Дир. – Я уже успел перемолвиться словом с Даджбоговым кудесником Коловратом, и мы сошлись во мнении, что волхвы Белеса готовят этого Олега для больших дел. Скорее всего, они прочат в преемники Воиславу Рерику, у которого нет законных сыновей.

– И что вы решили с кудесником? – нахмурился Аскольд.

– На Воислава Рерика обижены ладожские бояре и простолюдины, на него обижены волхвы Перуна, на него настороженно смотрят волхвы других славянских богов. Но в глазах многих людей он – Сокол, посланец бога Световида, претворяющий в жизнь его волю.

– Не понимаю, к чему ты клонишь, князь Дир?

– У Рерика, как ты знаешь, есть сын от ганши Ярины. Я имею в виду бека Богумила.

– Но сам бек об этом, похоже, даже не подозревает, – усмехнулся Аскольд.

– Зато об этом знают или догадываются очень многие, – спокойно продолжал Дир. – Нам мало убить Рерика, Аскольд. Его место может занять другой. Нам надо подорвать веру людей в то, что варяги в наших землях выполняют волю богов.

– И как ты собираешься это сделать?

– Рерика должен убить бек Богумил, – выпалил Дир, приподнимаясь с лавки.

– Почему именно он? – удивился Аскольд.

– Смерть Воислава Рерика от руки бека Богумила будет означать, что он дракон. Согласно нашим священным преданиям, только дракон может быть повержен сыном, ибо Световид в сходных обстоятельствах своего сына убил. Кудесник Коловрат говорит, что по иному и быть не может, поскольку Велес – бог перемен и вечного обновления, а потому смерть его драконьей сути не угрожает мирозданию, тогда как смерть Световида будет концом всему. Убив Воислава Рерика, бек Богумил тем самым подтвердит, что варяг и иже с ним не посланцы Белобога, призванные восстановить порядок на славянских землях, а порождение навьего мира, слуги Вия, самой жуткой ипостаси бога Белеса, и что перемены, которые они несут, обернутся чудовищной бедой для нашего мира.

Аскольд содрогнулся от отвращения. Нет, Дир не ослаб умом с годами, но то, что он предлагал, было омерзительным по своей сути, хотя вполне укладывалось в славянские представления о мире и справедливости. Конечно, Аскольд знал оба священных предания, как знали их все славяне, но именно поэтому коварная затея волхвов Даджбога и Перуна не вызвала того отклика в его душе, на который, видимо, рассчитывал Дир. Не став истинным христианином, Аскольд перестал быть язычником. Но князем он был, а потому не мог не понимать выгоды, которую сулила и ему лично, и Киеву затея, предпринятая волхвами.

Сама по себе смерть Рерика не могла остановить движения варягов на юг. Теснимые с юго-запада христианами, варяги искали союзников на востоке. Иудейская Хазария была серьезным препятствием на этом пути. Союзником Рерика были, впрочем, не только варяжские купцы, но и фряжские, остро нуждающиеся в притоках товаров с востока. Кроме того, вся Западная Европа нуждалась в серебре, ибо ее собственные рудники иссякли, и взять драгоценный металл они могли только у арабов. Так что Рерик мог рассчитывать не только на

поддержку кагана ругов, но и на помощь франкских королей, того же Карла Лысого, например, с которым у него были давние и тесные связи.

Похоже, и в Византии у внука Витцана Ободритского были свои радетели, иначе откуда бы появилась легенда о третьей империи. Византия, со всех сторон окруженная арабами, искала пути в Европу. Увы, устремления ромеев не нашли понимания ни у римских пап, ни у императора Людовика Италийского. Хазары были ненадежными союзниками. Оставались славяне, пока еще объединенные только отеческими и священными преданиями о деяниях своих пращуров и богов.

От грека Леонидаса Аскольд знал, что патриарх Фотий отправил миссию в Болгарию, с целью приобщить тамошних славян к христианской вере. Если эта задача будет решена, то у ромеев появится надежда получить в лице славян не только союзников, но и единоверцев. Однако Аскольд далеко не был уверен в том, что расчеты греков оправдаются. Да, волхвы славянских богов разобщены и нередко враждуют друг с другом, но корни языческой веры настолько глубоко вросли в души славян, что выкорчевать их оттуда будет почти невозможно. Конечно, князь Аскольд мог бы облегчить ромеям задачу, во всеуслышанье объявив себя христианином, но этот ответственный шаг вполне может стать для него последним. Он потеряет главных своих союзников в лице Дира и окружающих его волхвов и бояр. Пока жив Воислав Рерик, Аскольд должен молчать, но со смертью Черного Ворона многое может измениться в землях славян, и тогда, возможно, пробьет час сына кудесника Гордона, ставшего по воле отца приверженцем новой веры, куда более человеческой, чем та, которой придерживается Дир.

– Что ты предлагаешь, великий князь? – повернулся Аскольд к Диру.

– Я уже отправил гана Кончака в Итиль. Думаю, каган-бек Ицхак и бек Карочей одобряют нашу затею и окажут нам поддержку. А ты, Аскольд, должен послать своего человека к князю Градимиру. Пусть он откроет ему глаза на истинное положение *дел*, рассказав, какого змея он пригрел на своей груди. Градимир – человек горячий, но его следует удержать от преждевременного выступления. Пусть дождетсЯ подхода наших сил и лишь тогда чинит суд и расправу.

– Ты предлагаешь начать войну с Рериком? – нахмурился Аскольд.

– Да, – кивнул головой Дир. – Будет лучше, если эту войну начнем мы, не дав ему обрасти связями в славянских землях. К тому же у нас есть и повод для вмешательства. Мы помогаем Градимиру Кривицкому, обманутому коварными варягами, прибегшими к помощи навьего мира. Думаю, что в этом случае промолчат даже Велесовы волхвы, среди которых тоже есть недовольные всевластием нынешнего кудесника Осташа. У тебя есть сомнения, князь Аскольд?

– Сомнения у меня есть, – усмехнулся Аскольд. – Но на мое решение они не повлияют. Я пошлю к Градимиру боярина Гвидона, и пусть все будет так, как ты сказал, великий князь Дир.

После незадавшегося свадебного пира и скандальной брачной ночи князь Градимир пребывал в смятении. Княжна Милорада, с которой он столь опрометчиво связал судьбу, уже восстановила свою красоту, слегка подпорченную комарами, и теперь являла изумленным смолянам лик, достойный восхищения. Градимир отдавал должное внешности жены, но, увы, душа его томилась смутными сомнениями. Что ни говори, а первый взгляд – самый верный. Ну, не глянулась внучка Гостомысла кривицкому князю, что тут поделаешь. К этому еще добавилась неприятность, приключившаяся с Градимиром в брачную ночь. Прежде такого с князем не случалось, а тут словно память у него отшибло.

Конечно, самым разумным было бы отослать Милораду назад, но жалко было отдавать приданое, частично уже растраченное. Да и вряд ли горделивые Рерики согласятся принять

назад початый сосуд. Вот если бы Милорада потеряла девственность раньше, чем возлегла на ложе кривицкого князя, то в этом случае он мог бы с полным правом предъявить счет и ее опекуну боярину Никлоту, и Рерикам. Но, увы, княжна потеряла девственность на брачном ложе, оставив на нем все приличествующие случаю доказательства, и в этом могли своими глазами убедиться смоленские боярыни, посетившие ее поутру.

А в том, что князь Градимир до этого ложа не добрался, не было уверенности даже у него самого. Три девки, приставленные к княгине, в один голос твердили, что муж на ложе Милорады возлег, но они не могли с полной уверенностью сказать, был ли тот муж князем Градимиром, ссылались на темноту и головокружение. Ближние бояре клялись, что довели князя до дверей ложницы, освещая ему путь, и что он в те двери вошел с бодростью и уверенностью в своих силах. А дальше был провал.

Сама Милорада, слушая осторожные вопросы, лишь розовела ликом, надувала пухлые губки и наотрез отказывалась делиться впечатлениями о брачной ночи. Градимир ее за это не осуждал. Негоже княгине болтать о подобных делах. Да и откуда девушке, не знавшей прежде мужских ласк, разобрать, кто там возлег рядом с ней на ложе, муж или не муж.

Эта незадача до того зыбила Градимира из колеи, что он потерял интерес не только к Милораде, но и ко всем прочим женкам. Так и ходил букой по терему, шпыняя по поводу и без повода челядинов. Боярин Никлот и боярыня Злата покинули Смоленск, страшно недовольные поведением князя Градимира. Ближние бояре отводили глаза и потихоньку посмеивались, и только развеселый варяжский воевода Олег сумел отвлечь Градимира от мрачных мыслей, устроив во дворе терема петушинные бои.

Прежде о такой забаве никто в Смоленске и слыхом не слыхивал, а ныне бояре и старшие дружинники как с ума посходили. Все птичники в городе разорили, всех петухов оттуда повыгребли и меж собой стравили. Князь Градимир в великом азарте тысячу денариев поставил об заклад, тут же их проиграл и сам ту проруху не сразу заметил. Петух, привезенный из-за моря воеводой Олегом, бил местных бойцов без пощады, к великому ужасу смоленских кур. Князь ближники пришли в себя, когда здоровых петухов в округе почти не осталось. Да что там петухи, иные бояре и мечники свою мощь так растрясали, что впору за голову хвататься. Воевода Олег только посмеивался да считал серебро, которое стекалось к нему из чужих загашников.

Трудно сказать, чем бы это петушиное безобразие закончилось, если бы в Смоленск ни прибыл боярин Гвидон, посланец князя Аскольда. После неудачной свадьбы, которую князю спроворил боярин Казимир, Градимир к киевлянам относился с большим подозрением, но Гвидона принял с честью, как это и положено уважающему себя правителю. Киевский боярин, даром что родом из варяжских земель, тоже лицом перед смолянами не ударил и все поклоны, положенные по ряду, отдал с достоинством и благолепием. Поклонился и четырем углам, и шурам, и князю, и смоленским боярам, а заздравную чашу выпил единым духом, не сронив и единой капли.

Уже много позже, оставшись наедине с великим князем, он завел такие разговоры, от которых Градимира бросило в пот. Вот ведь втравил его боярин Казимир в паскудное дело! А ведь как чувствовал князь, что это сватовство добром для него не обернется. Девка сразу ему не поглянулась. Уже тогда, при первом взгляде, ему на ум пришло, что невеста-то, пожалуй, порченная. Ан нет, польстился от великого ума на ее приданое. А тут ведь дело даже не в девке, а в молодце, которого Рерики навязали простодушным смолянам вместе с пятьюстами варягами. А на Градимира как затмение нашло, взял да и согласился на их пребывание в Смоленске. Конечно, мечники лишними не бывают, а этих Рерики обязались содержать на свои деньги, вот и ввели добродушного человека в соблазн.

– Воеводе Олегу порчу на человека напустить труда не составит, – продолжал зудеть боярин Гвидон. – Он ведь в землях франков извел колдовством лучшего витязя.

– Да быть того не может, – ахнул Градимир.

– Сам патриарх римский проклял и Олега, и мать, что его породила, и велел гнать их с франкских земель.

– А мать-то за что?

– За то, что нагуляла она его с самим сатаной. Так в тех землях называют нашего Чернобога.

– Так ведь у нас чтут и Велеса, и его потомство, – нахмурился Градимир.

– Чтут потомство, которое он в человеческом обличье породил. А я веду речь о колдуне, рожденном от Вия, князя навьего мира. Он если и способен кого породить, так только змея, которого каждый порядочный человек должен сторониться, во избежание порчи и других бед. Это, между прочим, сам Велес заповедал, приказав своим боготурам истреблять всякого, в ком начнет прорастать драконья суть.

– Вот оно что! – ахнул Градимир. – А я ведь к нему как к родному. В своем тереме поселил, к столу пускал...

Князя Кривицкого вдруг осенило, причем настолько, что он потерял дар речи. Как же он сразу-то не догадался. Ведь не был он пьян, когда направлялся в ложницу. То есть выпил, конечно, но не настолько же, чтобы разум потерять. Так вот кто навел на него порчу! Вот кто обманом заменил его на брачном ложе! Вот кто вбросил драконье семя в его благородный род. Хорошо хоть, что у Градимира хватило ума не путаться с Милорадой. Внучку Гостомысла, конечно, жаль, но своя рубаха ближе к телу. Гнать надо эту Милораду из терема, и гнать как можно скорее.

– Ты погоди, не кипятись, великий князь, – придержал за полу кафтана вскочившего Градимира киевский боярин. – Милораду ты взял в жены славянским рядом, с благословения Перуновых волхвов. Прогнав ее со двора, ты нанесешь обиду не только Рерикам, но и Ударяющему богу. Перун-то тебя, конечно, простит после очистительной жертвы, а вот перед Рериками тебе не оправдаться. И град они твой разорят, и тебя жизни лишат как клятв-вопреступника. Ты что, забыл, с кем дело имеешь? Хотя по младости лет ты этого, может, и не помнишь, а я собственными глазами видел, как взмахнул крылами Черный Ворон и пали наземь отец и брат боярина Казимира. А кем был тот Черный Ворон, ты, наверное, догадываешься.

От таких слов князь Градимир за голову схватился. О Черном Вороне он, конечно, слышал, рассказали добрые люди, но ведь это могло быть наветом на Воислава Рерика, который вроде бы с юных лет служит богу Световиду. Когда же он успел дорожку протоптать в навий мир?

– Вот так же и мы сомневались, – кивнул Гвидон. – Может, тот Черный Ворон и не Воислав Рерик, а кто-то другой. И по сию пору многих сомнение берет. Потому и говорю я тебе – не торопись! И с Рериками рвать не торопись, и жену со двора не торопись гнать, и к воеводе Олегу присмотришь.

– А что тут присматриваться, – с досадой махнул рукой Градимир, садясь на место. – Ведь этот собачий сын всех петухов в Смоленске извел и обчистил многих бояр и мечников едва ли не до исподнего.

– Каких еще петухов? – не понял Гвидон.

– Тех самых, что кур топчут, – вздохнул Градимир. – И как это я сразу не сообразил, что здесь не все чисто. А этот куриный сын долбит и долбит одного за другим.

– Какой куриный сын?

– Петух, говорю, у Олега статей невиданных, ни один из наших против него устоять не смог.

– Так вот ты о чем, – сообразил наконец Гвидон. – Зря вы, однако, своих птиц ему стравливали. Это ведь не простой петух, он яйца несет.

– Да ты в своем уме, боярин Гвидон! – возмутился Градимир. – Когда это петухи яйца несли?

– А из тех яиц, отложенных в навоз, василиски на свет появляются. Голова у василиска петушиная, хвост змеиный, а глаза такие, что человек, взглянувший в них, падает замертво и каменеет.

О василисках Градимир прежде не слышал, но и не доверять словам киевского боярина причин не было. Вот ведь незадача, мало нам колдуна из франкских земель, так тут еще и василиск, способный взглядом убить человека. А ну как снесет петух это проклятое яйцо, а из него вылупится чудище неведомое, и что тогда прикажете князю Градимиру делать?

– Ждать надо, великий князь. Помощь непременно будет.

– А когда?

– Думаю, к зиме мы будем готовы. Как реки встанут, так мы и двинемся в земли кривичей. Тут уж ты не зевай, князь. Сверни головы и петуху, и его хозяину.

Глава 7 СМОЛЕНСК

Олегу поведение Градимира казалось странным. Не мог смоленский князь не знать, кто ночует в ложнице его жены. И если в первый раз князь оплошал по пьяному делу, то последние месяцы он пребывал в похвальной трезвости. Ничто не могло помешать ему воспользоваться супружескими правами, однако князь сторонился Милорады, словно и не было такой женки в его тереме. Своей вины Олегаст ни перед князем, ни перед Милорадой не чувствовал. Любой бы на его месте воспользовался подвернувшейся okazji. Если кого и следует винить в данном случае, так это самого князя и его бояр, которые упились до такой степени, что перепутали чулан с ложницей. Пир пиром, но надо же знать меру в питии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.